РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-V

посвящается К. Ф. Голстунскому

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
2001

Ответственный редактор
С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия
Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) Проект № 00-04-16212д

Mongolika-V: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. — 184 с.

Сборник посвящен выдающемуся ученому-монголоведу, оставившему глубокий след в отечественном востоковедении, автору многочисленных научных трудов по истории, праву, языку монгольских народов, заслуженному ординарному профессору Санкт-Петербургского университета, посвятившему 46 лет своей жизни преподавательской деятельности, — Константину Федоровичу Голстунскому, со дня смерти которого на момент, когда был подготовлен этот коллективный труд (1999 г.), прошло 100 лет.

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 065555 от 5.12.97
Подписано в печать 10.10. 2001. Формат 60×90 $^1/_8$. Гарнитура основного текста «Times DL».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 23 п. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 43

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

© «Петербургское Востоковедение», 2001
© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие 5

Памяти К. Ф. Голстунского

А. М. Решетов — К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа 6
З. К. Касьяненко — Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета при К. Ф. Голстунском и после 15
Т. Г. Борджанова — К. Ф. Голстунский и калмыцкий фольклор 17

Источниковедение и историография

В. Л. Успенский — Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского 18
С. В. Дмитриев — *Сульде:* к проблеме истории формирования военно-политической терминологии средневековых кочевников Евразии 21
Е. В. Павлова — Частное землевладение в удельных русских княжествах Северо-Восточной Руси в течение позднего монголо-татарского периода и вопрос о влиянии монголо-татарского права 31
Футаки Хироши (*Токио*) — Классификация текстов о Белом старце (*пер. с англ. М. П. Петровой*) 33

Из рукописного наследия. Текстология

Н. С. Яхонтова — «Ключ разума» (ойратский текст) 38
А. Д. Цендина — Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» 54
И. В. Маневская — Биография буддийского проповедника XI в. Атиши на монгольском языке 75
Б. С. Дугаров — О восточносаянском обрядовом тексте культа Гэсэра 100

Литературоведение. Лингвистика. Фольклористика

И. В. Кульганек — Монгольский песенник из рукописного фонда СПбФ ИВ РАН 103
В. К. Шивлянова — Калмыцкий обряд «Мацг Идр» («День поста») и проблема структурно-стилистического единства молитвенных напевов 113
Булаг (*Хух-Хото, КНР*) — Религиозная литература монголов (*пер. с монг. В. Л. Успенского*) 119

Из архивов востоковедов

М. И. Клягина-Кондратьева — Дневниковые записи 124
А. И. Андреев — Новая Монголия глазами русского путешественника (По страницам дневников последней экспедиции П. К. Козлова) 157
А. З. Хамарханов — Из переписки Г. Д. Санжеева и Т. А. Бертагаева 164

Наши переводы

Жамбын Дашдондог — Юрта (*пер. с монг. Л. Г. Скородумовой*) 172
Очирбатын Дашбалбар — Переводы разных лет (*пер. с монг. М. П. Петровой*) 174
Ц. Тумэнбаяр — Скорпион (*пер. с монг. М. П. Петровой*) 176
Из детского монгольского фольклора (*пер. с монг. И. В. Кульганек*) 178

Foreword 180

М. И. Клягина-Кондратьева

Дневниковые записи

Предлагаемые читателю записи М. И. Клягиной-Кондратьевой (1896—1971) являют собой многостраничный дневник, который автор вела день за днем во время самой продолжительной — более 4 месяцев (с 30 июня по 12 ноября) — экспедиции в Монголии, возглавлявшейся ее мужем С. А. Кондратьевым (1896—1970). (Первой экспедицией для Мелитины Ивановны была поездка в Хентэй (горы на северо-востоке Монголии) в 1926 г., и ее Хентэйский дневник был опубликован нами в 1996 г. [7. С. 125—142]). Экспедиция в Западный Хангай была организована по предложению Ученого комитета МНР, ее цели С. А. Кондратьев позже сформулировал весьма кратко: выяснить некоторые вопросы, связанные с историческим прошлым и географией Монголии. Конечно, научные результаты экспедиции были представлены в соответствующих официальных отчетах. Назовем лишь один из них — «Тельмин-нор и западная окраина Хангайского нагорья» [2]. Этому уникальному по красоте озеру не одну запись посвятила М. И. Клягина-Кондратьева. Ее дневник дает яркую картину жизни и работы участников экспедиции в многотрудных полевых условиях. В нем сохранилась масса этнографических деталей (типов людей, костюмов, убранства помещений) — примет жизни в глубинке Монголии конца 20-х годов. Он содержит описания особенностей монастырских храмовых построек в Монголии во всем их своеобразии и великолепии, увы! исчезнувших навсегда. Наблюдения М. И. Клягиной-Кондратьевой дают нам возможность представить себе, по крайней мере, три стиля монастырских сооружений, увиденных на маршруте экспедиции — тибетский, китайский и собственно монгольский. Последний, как свидетельствуют дневниковые записи, прекрасно приспособлен к кочевому образу жизни аборигенов. Монастырское архитектурное сооружение никогда не воспринимается М. И. Клягиной-Кондратьевой в отрыве от жизни. И здесь бесценны картинки быта монастыря, портреты простых лам, встречавшихся на пути, и лам-иерархов, принимавших членов экспедиции в своих резиденциях.

Записи М. И. Клягиной-Кондратьевой позволяют как бы со стороны увидеть обожаемого ею мужа. (Их совместная жизнь началась с разлуки. Через 3 дня после свадьбы в 1923 г. С. А. Кондратьев должен был уехать в Монголию в составе экспедиции П. К. Козлова.) Мелитина Ивановна дорожит вниманием супруга, старается разделить заботы не знающего усталости начальника экспедиции. Перед нами — мужественный исследователь-естествоиспытатель, разносторонне образованный, по-настоящему демократичный человек (чего стоят его бесчисленные шахматные партии, игравшиеся с одинаковой увлеченностью и уважением к сопернику, будь то лама высокого сана или хозяин бедной одинокой юрты), интеллигентный представитель русской культуры, композитор, поэт, собиратель монгольского песенного и музыкального фольклора, в сердце которого никогда не угасал интерес к монгольской культуре и ее носителям. На страницах дневника М. И. Клягиной-Кондратьевой нередко встречаются лаконичные записи: «С. делал заметки... С. не выходил из палатки, писал». Спустя почти 70 лет благодаря публикации книги стихов С. А. Кондратьева мы можем прочитать и его поэтические строки, сложившиеся в дни экспедиции: «*Солнце упало вдали/ За окровавленный лес./ Ползет по телу земли/ Огненным змеем Тэс*». Стихотворение датировано сентябрем 1928 г., указано и место, где пришло вдохновение: долина р. Тэс [4. С. 48—50]. А в стихотворении «Даль зовет», датированном первым сентября, слышен восхищенный голос спутницы: «*Ты, улыбаясь, мне сказала:/ Смотри, как рдеют облака/ В закатной чаше из опала,/ Как даль чиста и глубока!*» [4. С. 48]. Каждый, кто побывал в Монголии, кто испытал волнение от свечения удивительных красок монгольской природы, тот поймет восторг М. И. Клягиной-Кондратьевой перед закатным небом и благодарно откликнется на ее тонкие наблюдения и поистине художественные описания, переданные прекрасным образным литературным языком.

Меньше всего в своем дневнике автор пишет о собственной работе в экспедиции. Это был каждодневный сбор клопов, как она называла насекомых Hemiptera-Heteroptesa, а также растений для гербария альпийской флоры Ботанического сада Академии наук СССР и Ученого комитета МНР.

М. И. Клягина-Кондратьева запечатлела в своих записях и товарищей по экспедиции. Особенно выделяется среди них необыкновенно талантливый во всем, внешне очень скромный монгол Лупсан, на самом деле давно снискавший славу рапсода, знатока и исполнителя народных песен Ульдзий Лубсан-хурчи (1888—1943). Семья Кондратьевых через всю жизнь пронесла благодарную память о нем. С. А. Кондратьев, открывая свою известную книгу посвящением Лубсану, тут же еще раз отметил, что из множества монгольских певцов и инструменталистов самым незабываемым остался хурчи Лубсан [3. С. 3].

В тетради с дневниковыми записями вклеено много фотографий, сделанных во время экспедиции. Некоторые из них репродуцированы и помещены в том же месте текста, где были вклеены автором.

М. И. Клягина-Кондратьева, востоковед-индолог по образованию, легко запоминала воспринимаемые ею на слух монгольские имена, различные реалии, топонимы, названия монастырей. Некоторые из них именно в таком написании встречаются в Этнолингвистическом атласе, вышедшем в Монголии намного позже [5].

Дневниковые записи публикуются с сохранением авторского стиля.

Публикация и примечания К. Н. Яцковской

Хангайская экспедиция 1928

30/VI

Выехали из города. Жарко. Очень пышет солнце. Удушливым запахом горячего масла обдает мотор. Места скучные, голые. Рыжеватые холмы. Нигде ни деревца. Кое-где вдали скот. Вокруг закопченных юрт пусто. Долины не отличаются одна от другой. Сухие. Одноцветные. Воды нигде нет. Вечером Тола [1] показалась прямо райской, хотя на берегу ни кустика. Не стали ставить палатки. Легли прямо так. Я устала и лежала вытянувшись на спине, пока С.[2] пил чай... Потом он долго лежал, опираясь на локти и курил, глядя прямо куда-то на дальние тучи, молча...

1/VII

Опять сухие долины, опять однотонные холмы. Только вдали синеют горы. В степи грязный маленький колодец. Соленое озерко. Дзерен [3] пробежал перед автомобилем и умчался в степь. А большие хищные птицы не боятся шумящего чудовища. Они спокойно сидят на камне при дороге. Некоторые, лениво взлетев, опускаются где-нибудь поблизости. Серые мышки быстро-быстро перебегают дорогу, как шарики. Тарбаганы улепетывают в норки, подняв толстые хвосты. Голая степь все-таки живет. Стрекочут кобылки, ползет бескрылая саранча. Изредка встречаются всадники, резким силуэтом вычерчиваются вдруг на закатном небе, потом расцветают, как мак, красными или желтыми халатами и снова исчезают вдали темной точкой. Ночью мы ехали мимо Угей-нура, длинного озера, сверкающего в лунном свете. На горе тибетские храмы монастырика манили своей таинственной прелестью. Светлая лента Орхона [4] прорезала долину, утонувшую в сумраке.

2/VII

День начался неважно. Дул холодный, резкий ветер. Дождь лил с перерывами, во время которых мы едва успевали обсохнуть. Сначала забавляла переправа через Орхон. Повозки с быками, полуголые неожиданно деятельные монголы, энергичный «усучин» [5]; потом затянувшееся развлечение наскучило. На другом берегу машину засадили в грязь. Ее вытаскивали быки, поощряемые воплями грязных баб из ближнего аила [6]. Опять мокли под дождем, но вдруг все изменилось. Тучи ушли на восток, долины сузились, холмы стали круче, земля зазеленела настоящей бархатистой травой и вдали показались большие горы, покрытые чернильно-синим морем лесов. Стало хорошо. Закат расцветал необычайно пышный, роскошный. Облака — малиновые, лиловые, фиолетовые, розовые — сгрудились в небе. На востоке они обвились странной густой персиковой бахромой, а на западе, над горами, за которые ушло солнце, они были как клочки пылающего золотого газа.

Мы стали на берегу Тамира [7] в чудесной тополевой урёме [8]. Редко бывает такое наслаждение, какое испытывала я в этот вечер. Эти большие, прекрасные деревья, эти луга, удивительная, необычайная луна, гладкие, светлые, как зеркала, поляны. Я бродила по ним в упоении. И странно, кажется, впервые я наслаждалась этим «в чистом виде», без примеси прочих чувств. Такое же радостное было и утро.

3/VII

Я встала часов в 6. Все золотилось вокруг. Мы ходили с С. фотографировать. Пили чай. Мне все было радостно: курить ганзу [9], шутить с А. Д.[10] и С., умываться в реке, глядеть на наших спутников. Они были все трое разные. Далай габчжи, полный старик с ласковой улыбкой, знаменитый врач. В своем ярко-желтом халате, в маленькой островерхой шапочке он похож на тибетскую икону. Его послушник Дамдин — славный малый с широкой улыбкой, усердный в работе. Наконец, Аюур, представитель нового поколения, одет полуевропейски (так. — *К. Я.*) и по утрам умывается. Все разные, они имели и общие черты: какую-то благородную, покойную скромность в манерах (даже Дамдин), готовность принять участие в общей жизни, говорить, если к ним обращаются, и молчать, если нет. Самодовление и полное отсутствие навязчивости. День прошел пестро. Доехали до Цзаина [11], сразу очаровавшего меня красотой своих строгих белых храмов, в меру украшенных черными самшитовыми карнизами и золотыми дисками. Помотавшись немного по городу, поехали обратно разыскивать свой лагерь. Он стоит довольно далеко от куреня [12], в урёме. Чудесное место: тополи, ивы как парк. Конечно — радостная встреча. Милый знакомый Чухломин [13]; хорошие собаки. Федя Большаков приехал только поздно вечером. Поев ухи,

добытой Васей [14], снова отправились в город. У въезда подбежал лама в красном халате и, примостившись на подножке, проводил нас до дома Далай Габчжи. Небольшой дворик, чисто подметенный, кое-где кустики незабудок. Юрта внутри обита красной тканью. Три низкие кровати, устланные красными ковриками. Железная печка у очага. 2—3 шкафчика. Вещей очень мало, бурханов [15] нет, они рядом в китайском байшине [16]. Угощались араком [17] и чаем, говорили с приветливым хозяином, потом немного фотографировали. Слепой лама, перебиравший четки на холме, по голосу узнал Далай Габчжи и радостно поздоровался с ним. Когда мы ушли, он влез на пьедестал и, усевшись рядом с бурханом, молился. Потом довольно долго сидели у знакомых. Вернулись под вечер. Я пошла пройтись по урёме. Силуэты гор были удивительно красивы на лимонном медленно зеленеющем небе, но на меня напал припадок черной тоски, и все было немило.

4/VII

С утра наши уехали в город. Я собирала клопов, писала. Долго сидела под тополем с Ч., покуривая ганзу и беседуя (всегда приятно). Сильно проголодавшись, ела черный хлеб с луком (как полуднуют крестьяне). Когда вернулись наши, обедали втроем и веселились. Опять поехали в город, зашли к Далай Габчжи, потом пошли смотреть и фотографировать храмы. Они изумительно красивы. Белые гладкие стены (оштукатуренный, серый кирпич), темные окна с богатыми карнизами. Характерны 2-этажные портики с роскошным орнаментом — преобладание красного цвета, так же как и внутри храмов: красные колонны, красные олбоки [18] на чжабданах [19], красные шкафчики с бурханами. На некоторых храмах совершенно плоские крыши, на других большие, китайские, крытые серой черепицей. Совершенно нет характерных для деревянных храмов «мезонинов». Нет и храмов монгольского — юртового или полуюртового стиля. Ламский город лежит с О на W от храмовой части. Он — обычного типа. Интересен двор при цокчине [20] с рядами хурдэ [21] по стенам. Также — двор монастырского управления с великолепными китайского стиля постройками. Все очень красиво. Поужинав в городе, вернулись при луне. Хороши были скалы над монастырем, наша речка, сверкающая в луне. Долго сидели у палатки. Наши ели печеную рыбу, я пила чай, говорили о разном. Хорошо. В лунной палатке ночь расцвела для меня упоением.

5/VII

Целый день провела на стоянке тихо. Читала, купалась, ловила клопов, прибирала, чинила и проч. (и все таки устала к вечеру; плохо!). Наши вернулись из города только к обеду. К вечеру удивительно хорош был лагерь. Во всех 4 палатках горели свечи; маленький костер, как огненный цветок; яркий белый свет фар от машины. Все эти разные огни странно смешивались, и деревья вокруг стояли какие-то фантастические, как декорация в театре. Или еще казалось, что это fête galante [22], где-нибудь в замковом парке. Лупсан [23] играл на хочире [24]. Очень хорошо.

6/VII

Опять полдня тихо провела на стоянке. Купалась, лежала в тени тополей, мирно читала. Red magazine. Часов в 5 выехали в Эрдэни-Цзу [25] с веселым доктором и молодым монголом (нового стиля). Немного фотогр[афировали] в чудесной урёме по Тамиру: такой высокой травы, таких пышных деревьев я давно не видела. Вечернее солнце мягко золотило камни и воды. Дальше пошли просторные зеленые долины, одна другой зеленей, бархатистей, просторней. Стали в какой-то широкой долине у ручья. Яркие звезды в небе, костер. Я с наслаждением лежала, глядя вверх. С. рядом.

7/VII

Встали рано. Опять долины, дабаны [26]. Машина идет легко. Утро еще не жаркое. Солнце свежее. В глубине долины маленький дугун [27] с очень красивыми тибетскими храмами, богато разукрашенными пестрым, ярким орнаментом. Помню ряд субурганов [28], белых как снег, внутри храма красные колонны с нарисованными на них драконами, а всего лучше: в открытой двери храма молится лама, солнце освещало его боковыми лучами через решетчатое окно. Перед ним на палке хенгрик [29]. В храме сумрак, только огоньки лампад поблескивают. Внезапно открылась широкая, как степь, долина Орхона. Радостный, вольный простор. Горы голубые, легкие. Солнце. С косогора вдали открылся старый Эрдэни-Цзу. Он стоит прямо в степи. Его окружает зубчатая стена с 108 субурганами. Стали у моста под новым куренем. (И здесь — великолепные храмы, серые китайские черепичные крыши, золотые ганчжиры [30] и красные двери с золотой росписью). Обсудили все возможные переправы; машины; наконец, пошли вчетвером в старый хуре. Долго шли по горячей степи, невыносимо припекаемые солнцем. Когда дошли до монастыря, еще жарче показалось в узких уличках с песчаным грунтом, а огромный многофигурный субурган казался раскаленным добела. В прохладной, чистой яманской [31] юрте было хорошо. Обивка из красивой, пестрой, зеленоватой ткани была кое-где приподнята, а свет проходил чрез решетки ханов [32] мягкий и нежный. Против входа — сиденья для почетных лиц или начальства. (Красная подушка и прислоненная к ней доска, обитая красной тканью). Около, с обеих сторон, красные с золотым узором шкафчики. Разные ламы приходили, читали наши бичики [33]: молодой, широколицый с умными глазами, худой с хитрым лицом и вдавленными щеками, полный почтенный лама в шапке-тарелке из желтой шерсти. Наконец, тот самый почтенный габчжи [34], к которому нам советовали обратиться. Этот отличается длинными жидкими усами, свешивающимися по углам тонких, поджатых губ. Небольшие проницательные глаза. Лицо умное, но нет в нем доброты и благости, как, напр[имер], у Далай Габчжи. С нами (и в этот раз, и на другой день, когда наши рассказывали о своих изысканиях) вежлив, но как далек! С другой планеты. Никакого интереса или любопытства. Только буддийское бесстрастие, вероятно, мешает ему нас презирать. Опять вернулись к машине у моста, совершенно изжаренные. Я к тому же стерла ноги.

Жадно пила чай, вполне равнодушная к толпе баньди [35], сгрудившихся вокруг. Приехал бык, на двуколку сложили вещи и отправились на Орхон к началу канала (я верхом). Остаток дня прошел тихо, но деятельно. Осматривали, наши делали промеры. Я купалась. Пили чай, с приложением, отчего все повеселели. Поднялся сильный ветер. Палатку срывало. Все удерживали ее, кто за палки, кто за веревки, а я металась вокруг, забивая шаропы (? — *К. Я.*). Наконец установили, но долго еще не спали, причем я неизвестно почему распевала песни на разных языках.

8/VII

Встали рано. Опять делали нивелировку. Потом я ловила клопов. Затем отправились в хуре. Нам отвели юрту Сана-Очирдага-дацана [36]. Эта намного темнее, чем та (от войлоков). Большие черные сундуки (канцелярия), китайские счеты. В прочем — обычная обстановка. Усталые, долго отдыхали, пили кумыс. Пришел к нам габчжи со спутниками. После разговора с ним пошли в хуре фотографировать. Описать Эрдэни-Цзу вкратце невозможно. Как на Кумбум [37], на него ушла бы целая книга. Уже под вечер пошли обратно за реку. Наша машина стояла во дворе одинокого ламы, пожилого, с полузакрытыми веками, веселого. В этом дворике было чудесно. Деревянная летняя красная юрта, где сейчас живет хозяин и где мы пили чай, а остальные спали. У задней стены навес и небольшой байшин — кладовка; крыша в китайском стиле нависает далеко вперед, и здесь мы с С. спали. Конечно, от лам и баньди не было отбоя, но когда волна отливала, во дворике наступала изумительная тишина. Я давно не была в таком уютном тихом месте. Дворик — крайний. За ним прямо зеленый склон горы (от задней стены к воротам покат), а если встать на порог перед юртой, то увидишь крыши соседних байшинов и храмов, а над ними, далеко на юго-запад, догорает лимонный закат. Там, за долиной Орхона, — голубые горы. Было очень хорошо.

9/VII

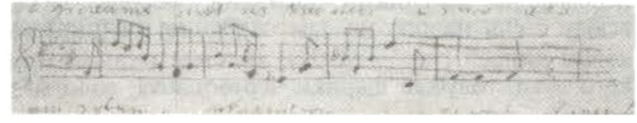
Утро выдалось пасмурное. В пути дождь то шел, то переставал. В однообразных красках серого дня дорога уже не показалась такой привлекательной, как в первый раз. Приехав, наши отправились в город, а я искупалась и сильно замерзла, т. к. опять пошел дождь. День прошел обычно.

10/VII

Весь день провели дома за разными неторопливыми занятиями. Снимали, проявляли, расставляли колышки на 100 метров (мой шаг 85 см) и проч. Вечером весело выпили. Очень смешной был Чухломин.

11/VII

Часа в 3 поехали в гору и отправились искать Павловские курганы. Не нашли, но прошлись отлично. Сначала я не очень радовалась, поднимаясь в гору по жаре, но на перевале было удивительно. Цветущий луг и широчайший вид на долину Хойто Тамира [38] с его урёмой и прямой ниточкой телеграфных столбов, на горные цепи Хангая [39] с массивным Субурга-Хайрханом [40], и наконец на долину Урту Тамира [41]. Это было самое чудесное. Круто под ногами крошечные дворы и домики Цзаина, за ними долина — широкая, золотистая в вечернем свете, поблескивающая озерками и речкой с изумрудной опушкой урёмы. Над нею 3 горы, а над ними юго-восточное небо, любимое, волнующее, улыбка леонардовского Иоанна Крест., первая фраза из романса С.: «Из красного дерева лодка моя, а флейта моя из яшмы» — и это небо; они зовут и соблазняют, и улыбаются одинаково все трое. Очарование их неизъяснимо. Я шла по перевалу, стояла там, наверху, и думала: «Вот, вот, ведь разве это не то? Разве это не есть исполнение обещаний этой музыки («Из красного дерева»), разве это не есть то самое, к чему в Москве влеклась с такой силой и тоской, не то самое, образ чего меня ранил так сладко и больно, когда я напевала эту фразу. Ведь вот я иду рядом с С., с любимым, именно с ним я иду по лугу высоко на горе. Разве Монголия — это не есть одна из самых чудесных стран»? Значит, мечта исполнена и желание удовлетворено. И все-таки, все-таки что-то есть, все-таки влечет юго-восточное небо, все-таки, напевая, чувствуешь, что не вполне здесь все это чудесное и волшебное, что струится в мелодии; что-то остается не достигнутым, не найденным. Видно и небо, и музыка, и леонардовская улыбка зовут к чему-то, чего не достигнешь на земле, и обещания их не исполнятся.



12/VII

День прошел тихо и однообразно. Было солнце. Зелень лужайки. Обычные занятия. Вечером угощали гостей пиром на берегу.

13/VII

Этот последний (полный) день на Тамире был очарователен. С утра яркое солнце. Оставшись одна, я глядела в бинокль на толпу лам (в шляпах подсолнечниками и желтых кофтах), скачущих к обо [42] на водоразделе Тамира и Цецерлика [43]. Краски были очень ярки и красивы. Я купалась, читала; приехали наши из города; обедали. Я пошла за ключами. Посидела у речки. Плоскодонная, мелкая как тарелка, голубая, она вилась по лугу; кустики нежных желтых цветочков пушились в темно-зеленой траве по ее берегам. Это было очень хорошо. Еще в тот вечер хорошо было закатное небо, удивительно чистое.

15/VII

Весь день солнце. Жарко. Мы не рано выбрались, а приехали еще позже — машина все время портилась. Стали на склоне в лиственничном лесу с чистой гладкой травой и хризолитовым светом. После обеда пошли искать курганы. С. в одну сторону, мы с А. Д. в другую. Очень пленили меня и лесная дорога вверх, и широчайшие просторы с перевалов (там подолгу сидели, куря свои трубки). Спустились в густой лог, поросший ивняком, потом поднялись круто вверх и пошли по гребню до вершины сопки. Закат уже догорал. Густо-синие тучи низко нависли и слились с синими горами — не различишь границы между ними. В одном месте закатное солнце прорвало их и горело золотым костром. А еще виднелись какие-то очень далекие горы, совершенно лиловые, прозрачные. Спускались уже в темноте. Едва дошли до стоянки — началась гроза. Ослепительно бело сверкали молнии, мгновенно освещая лес и скалы; порывами налетал дождь, дул сильный ветер и необычайно хорош был наш костер: его раздувало во все стороны, пламя вилось, взрывалось кверху, стлалось по земле, снова взметывалось, плясало, кружилось, искры разлетались снопами и, как живые, улетали, исчезая в черноте чащи; они вырастали на глазах: у огненной точки рождался хвостик, удлинялся, превращая искру в комету, и потом она исчезала — таяла.

16/VII

День провели однообразно. Сидели у палатки, читали. Немного шел дождь, а в промежутки зеленый свет пронизывал лес. Вечером С. убил козу. Ложась спать, очень смешно изображал старушку: «Па-хо-ом! Па-хо-ом!»

17/VII

Наконец-то выехали из Цзаина. Простились с А. Д., Чухломиным, умилительным Васькой. Ехали необычайно цветущими долинами. Вообще здесь всюду степь цветет, но там особенно: малиновые ковры кипрей (так. — *К. Я.*), лиловые головки дикого лука, голубые шарики чертополоха, золотые, красные, белые цветы, а бабочки, синие и темно-желтые, летали и кучкой садились на землю. Очень хорошо было, когда проехали Хойто Тамир. Хангай, огромный, густо заросший темно-зелеными лесами, открылся во всей своей величественной красоте. Большой голец Хан Ундур [44] тяжело лежал над долиной. Стали где-то на голом склоне. Было хорошо сидеть у костра, потом лежать в палатке с открытой дверью. <...>

18/VII

Трудно, когда едешь на машине, запомнить все эти места, но общее впечатление остается сильное. Хорош Хангай. Все здесь просторно, широко, мощно. Долины как степи; горы как громадные стены, гольцы. Лесу меньше, чем в Хентэе; вернее, он дальше, выше в горах, но такой же темно-зеленый. Хорошо. Долго возились на Чулутэ [45] с переправой. Сбежался народ: женщины в «рогах» [46], молодые девушки; одна, несмотря на грязь и обветренное лицо, хорошенькая, стройная, с белыми ножками (когда переходила реку). Потом небольшой песчаный лес и каньон Чулутэ. Опять обширные долины. Громады Тарбагатая [47] и маленькая речка Гичиген [48], где и засели. Ночевали на острове между двумя саланами [49]. Уморившись, выпили и очень веселились неизвестно почему.

19/VII

Проехали мало, но по очень красивым местам. Вскоре после нашей стоянки пришлось нам снова чиниться в месте, называемом Сала. Тут снова высились лесистые горы, под ними в зеленых логах аилы, а справа Тэрхэ [50], разлившаяся неожиданным тихим плёсом. За нею, на потоках лавы, вылившейся из маленького вулкана (с верхушкой, как бы срезанной ножом), лес — жидкий, жуткий. И земля эта на лаве — жуткая, вся в трещинах, в лишаях, серо-желтоватая. А дальше дорога идет по крутому берегу, и с него открывается озеро Цаганнур [51]. Просторное, голубое, окруженное зелеными горами, с цветущим лугом по берегам, с островками, с белыми, жемчужными лебедями. Потом опять широкая долина Тэрхэ, а за ней опять два озера. С большого Улан-дабана [52] вся эта область с озерами, с громадой Хабтагая [53] открылась волшебной страной. Почти под дабаном у маленького протока стали. Вечер был теплый и ясный. Звезды изумительно светлые, блестящие, не мигая, сияли в небе. Лежала рядом с С. и глядела на них.

20/VII

Утро солнечное. С. ушел рано на охоту. Я пребывала у палатки, болтая с 3 мальчиками-ламами. Они пошли было за грибами; за спиной у них были кожаные сумки, в руках палки с острыми концами. Одного звали Ульдзуй: мальчик с живыми глазками и очень звонким голосом.

Через Тэрхэ переехали на быках, и я смотрела на монастырь на горе. За рекой открылись огромные отвесные стены ледниковых цирков. Понабежали тучи, пошел дождь, горы затянуло туманом. Машина наша все останавливалась, и где-то в долине мы стали у речки.

21/VII

Весь день лил дождь. Сидели в палатке. Приходили монголы: высокий, узколицый в красном халате; изумительный лама-комик. Вечером С. ушел на охоту и долго не возвращался — до темна. Я сильно волновалась. Наконец пришел мокрый. Какая радость.

22/VII

День прошел вполне похожий на предыдущий, кроме того, что, к моему удовольствию, С. на охоту не ходил.

23/VII

Дождь перестал, хотя утро было пасмурное. Мы часов в 12 снялись с места и откочевали версты на три выше, к броду. Машина еле ползла под сочувственными взглядами монголов, провожавших нас легкой рысцой. Стали у речки под склоном, на котором целая группа керексуров [54]. С. предложил мне идти на голец, чему я очень обрадовалась (сама я стеснялась проситься). Совершенно случайно я вспомнила, что в этот день годовщина нашей «свадьбы» (комиссариат (загс) на Невском и кольцо). Вообще мы никогда не отмечали этого дня, я сказала о нем просто так. Но С. очень хорошо это принял и сказал остальным, что вот так и так и придется по этому случаю пить водку. Пошли наверх. Я шла не трудно и умолила-таки С. идти до вершины. На гольце низкая трава, маки желтые, нежные (очень редки оранжевые; я видела пару наклонившихся друг к другу огненных головок) синие низенькие колокольчики; по сырым местам — банчжен-гарбо [55]. У самой вершины мелкие россыпи, текут чистые ручьи. С., конечно, ушел вперед. Я лезла потихоньку, думала, еще далеко, вдруг впереди показались сучья обо. Большое, конусообразное, сложенное из старых посеревших сучьев, окруженное маленькими каменными обо, оно стояло на широкой плоской вершине. Я села отдыхать от подъема и ветра. Подошел С. Он сказал о том, что вот как мы празднуем наше 5-летие; вспомнил, что ведь это не только день загса, но и день кольца, а это действительно можно праздновать. Мы сидели, курили. Он покурил мою трубку. Съели пополам одну конфетку. Поцеловали друг друга. Потом он целовал мои руки, а я — его глаза и он сказал: «Еще поживем с тобой немножко, маленькая». Легко и весело возвращались вниз. Вырывали дикий лук, пили из моей деревянной чашки чистую воду ручья, даже немножко шли под руку. У палатки немножко пили. Я была бы совершенно счастлива, если бы не ужасный страх, что мне придется одной ехать обратно.

24/VII

Утро выдалось пасмурное, дождливое. Переехали на быках речку и покатили вверх по долине. Конечно, прокладку опять прошибли. Стояли где-то посреди дороги. Я пыталась спать в машине, но мерзла от ветра. Наконец уже на закате тронулись. Словно ворота были перед нами боковые склоны. И за ними стена. В узком ущелье пробивалась речка. Все выше и выше место, все суровей скалы. Лес кончился. Холодно. Во всем, и в горах — голых, гладких, и в долинах, и во всех формах и линиях чувствуется высота. Редкие аилы с закопченными юртами, а женщины все также в «рогах», с украшениями из серебра, бирюзы и кораллов. Вдали, в голой пади, убогий дугунчик [56]. Стали у речки, шумно бурлящей и светлой. Вечером здесь было очень хорошо. Горы высились силуэтами на лимонной заре. В небе светлые звезды, от костра было тепло; я курила свою ганзу и ни о чем не думала.

25/VII

День против обыкновения прошел без дождя. Выехали довольно рано. Поднимались все выше и выше к перевалу. Здесь местность еще пустынней. Уже не зелены, а серы горы и долины, реже аилы; невдалеке от перевала они совсем исчезли. Все время холодный ветер. При нашем приближении стада овец, как зерна риса, рассыпались во все стороны. Конь с пышной серой гривой, как река, струящейся по ветру, мчался, сам не зная куда. Сарлыки [57] остановились как вкопанные и отупело глядели на невиданное чудище. На перевале я ходила за клопами, и так радостно было в этой суровой, пустынной земле видеть цветы: заросли темно-синих водосборов, малиновые маки, яркие незабудки, и все — такие душистые. Другая покать перевала еще безотраднее. Чувствовалось, что леса далеко-далеко, а здесь только гладкий камень, низкая, словно подстриженная, трава.

Вниз по Хара-Усу [58] добрались до крошечного торгового поселка. Здесь два хашана [59] с глиняными китайскими фанзами, да лавка Стормонга [60] — маленькая юрта, где продают чайники, консервы, красное и синее сукно, разноцветные шнурки и кисеты. Тут же столик и нары, где спит заведующий — русский. На правом берегу, наискось, Убугун-Хуре [61], с деревянными, китайского стиля, храмами. Попив чаю, немного поевши, мы через крутой дабан перевалили в Шара-Усу [62]. Эта долина почему-то показалась мне удивительно привлекательной. М. б., это закатное солнце так красило ее, одевая в золотистый наряд; м. б., розовые облака, пышными пионами сгрудившиеся в небе, но какая-то она была радостная, и юго-восточное небо было как в «Из красного дерева». Нашли камень, потом опять стояли из-за прокладки, потом, почти у перевала, переехали речку и уже в сумерках спустились в Цзаг [63]. Повеяло чем-то новым, словно дыхание далекой Гоби коснулось нас: пологие холмы, простор, стебли дерисуна [64]. Долго ехали ночью. От земли видна только белая полоса дороги, освещенной фарами, да кустики дерису по краям. Дальше небольшие силуэты холмов, дзерены, как белые привидения, возникают и пропадают в темной степи. Зато небо — широкое, во всем великолепии своих звезд. Не знаю почему, но печаль владела моей душой. Я устала и думала о многом горьком, что есть в моей, как и во всякой, жизни. Думала о том, что завтра мой день рождения, и о своих родных. Когда стали у Цзага, мне не захотелось ни есть, ни пить, и я раньше всех легла и только курила. Остальные пили чай в палатке. Когда легли, С. долго гладил мою голову и вообще весь тот вечер был ласков со мной.

26/VII

В ознаменование торжественного дня я переменила белье и тщательнее обычного помылась. С. с утра был ласков немножко. Выехали рано, на первой же горе пришлось стать из-за прокладки. Алеша [65] с ожесточением чинил ее. С. и доктор ушли смотреть дорогу, а я лежала на верху машины и читала английские рассказы. День был пасмурный, но теплый. Я пребывала в полном спокойствии и равнодушии. Починившись, успешно переехали речку, прокатились степью и снова перебродились (так. — *К. Я.*) против Монценкопа [66], где и остановились на продолжительное время. Зав., приятный русский средних лет, угощал нас в своей юрте обедом, чаем и водкой. Я сравнивала этот обед в день моего рождения с войновским, хотя бы 1916 г. Там был длинный стол во всю столовую, накрытый ослепительной скатертью, на нем серебро, фарфор и хрусталь, розовые розы стоят в бокалах и разбросаны по скатерти. Шампанское, мед. Вежливые, нарядные гости. Мой стул, убранный гирляндой из зелени. Пирожки, маринады, пломбир. Милое лицо мамочки. Передо мной за окнами колонны балкона и солнечный цветник; липовые аллеи, огромный старый осокорь; вдали, среди лугов, белая церковь Коноплянки [67], а над нею, далеко, далеко, синяя полоска засеки. Я сама — молодая, с пышными золотистыми волосами, в белом кисейном платье.

А теперь, через 12 лет: грязноватая юрта, непокрытый стол, в беспорядке заставленный разными чашками; сахар в бумажке, таз с вареной бараниной, кастрюля с лапшой, водка; краснолицый доктор слегка навеселе; закопченный Алеша [68]; монголы на корточках с ганзами в зубах; через низкую дверь видны голые холмы, серо-желтая земля, почерневшие юрты аила. Сама я в штанах и грязной рубашке, со стриженными волосами, с облупившимся носом, с 32 годами. И рядом С., тоже постаревший, обросший бородой, но такой любимый. Возбужденная хмелем, я курила и чувствовала глубокое наслаждение от своей жизни. И я спросила себя, что лучше, какой день: этот или тот, 12 лет назад, и хотела ли бы я заменить один другим, и я ясно, безусловно ответила себе «нет». Ибо беден был тот день в сравнении с этим. Ибо только ощущение полноты жизни есть истинное богатство.

Выехали в дождь. К счастью, он скоро прошел. Удивительна была справа широкая, плоская котловина. Закатное солнце освещало ее каким-то немыслимым светом. Темно-изумрудная, она была покрыта словно вуалью из золотой пыли. Быстро ехали вниз. Я вспомнила свои давние французские стихи:

Bien loin de la ville mandite
Fuir par routes interdites [69] —

и все остальное дальше. Да, почти все *désirs* [70], высказанные в этом стихотворении, исполнились. Правда — иначе, чем я тогда могла себе представить. Иначе, но во многом лучше. Стали в чудесном месте (или это вечер сделал его таким чудесным?) в степи, широко раздвинувшей горы. Палатку поставили рядом с синим узорчатым майханом [71] небольшого каравана, перевозившего лес из вершины Цзага для постройки нового храма в монастыре. Возчики — двое пожилых монголов, лама и харахун [72], с ними баньди лет 17—18, никогда до нынешнего дня не видевший автомобиля. Мы с ними подружились. Я сидела у них в майхане, грелась у костра, где на талагане [73] стояла чаша с чаем. В майхане стояло 2 деревянных сундучка, валялись истрепанные войлоки, шубы, бислык [74] в тряпочке. Сидела и у нашего костра, глядя на изумительно широкое небо. На чистом северном небе встала Капелла, а слева от нее облака выросли горой, и казалось, что на гору всходит отшельник. На ночь быков привязали к телегам, и они шумно вздыхали лежа.

27/ VII

Весь день погода была переменчива. Дождь то шел, то переставал. Когда выехали, моросил, и пока спутники увязывались, я спасалась в майхане караванщиков. Забрав с собой ламу, опять поехали через пади и дабаны. Все эти места безотрадны. Голые холмы, голые долины, даже не очень зеленые; дымные аилы, белые овцы; просторно; но вот резко свернули в одну падь к северу, и вид несколько изменился: долина узкая и упирается в котловину, окруженную ярко-розовыми каменистыми горами. В долине огромное стадо верблюдов (голов 600) под присмотром китайцев. Груз — белые и желтоватые тюки — был сложен вокруг нескольких майханов. Вот с таким караваном быков или верблюдов хотелось бы мне пойти. Идут медленно, стоят подолгу. Я думаю, жизнь их течет, как молоко по столу. В красной долине к нам подъехали двое юношей-монголов — красивые, с сахарными зубами, в островерхих шапочках. Просто удивляешься, как всю жизнь живут люди среди этих камней, не видя ни одного дерева. Правда, у них есть цветы, травы, звезды и ручьи. Но деревьев нет. (А С. научил меня любить их сильно). По немыслимому дабану еле вылезли оттуда и покатились вниз, в широкую степь. Там на террасе был керексур с маленьким обо на нем — в виде венка. Вдали монастырь Хадатэн-Хуре. У речки стали, чтобы поесть. Подъехал лама и 3 девчонки в островерхих шапочках. С ними лошадь под вьюком. Они перебежали ручей, с любопытством нас осматривали, пересмеиваясь, потом уехали в монастырь, подобрав наши пустые банки от консервов.

Опять долина, совсем узкая, каменистая; опять длинный и трудный дабан (Тулин-дабан) с великолепным обо: на самой верхушке дабана выходы горной породы (серые камни, обросшие, как и всюду здесь, оранжевыми лишаями), на них в разных местах кучки мелких камней, рога аргали [75], осколки чаши, подвешенные на перекладине (Алеша, как и другие проезжавшие здесь шоферы, увековечил на них свою фамилию). Опять каменистое ущелье. Здесь на склонах аил, где мы и остановились из-за дождя. Здесь, в грязной бедной юрте, где стриженая рябая шабаганца [76] готовила чай, С. играл в шахматы с хозяином-охотником. Так странно: монгольская глухомань, ущелье, из которого, кажется, нет выхода, грязный аил, «некультурный» кочевник играет в древнюю, многовековую игру с С., вкусившим от всех плодов европейской культуры (и ушедшим от нее). Кончив, отправились дальше, но доехали только до котловины, где слились

Шара-усу и Буянту [77]. Горы, как стенки, окружают это место; даже реки только прорывают их, изгибаясь невдалеке, и пропадают за стенами. Много керексуров. Стали на высоком берегу.

28/ VII

День прошел однообразно. Я пребывала в палатке. Записывали метеорологические данные с С. Обедали, говорили с многочисленными приходившими монголами. Во 2-ю половину дня С. ушел на охоту в горы. Я слегка беспокоилась, но он пришел, когда стемнело, уставший и молчаливый.

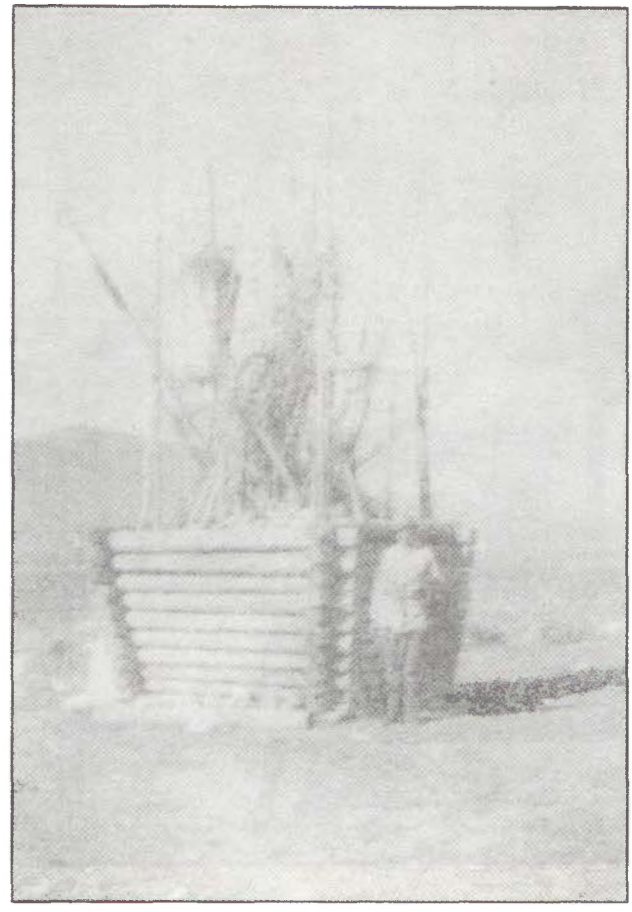
29/ VII

Машину перетащили на быках через Шара-Усу, а потом, верст на 12 ниже, и через Буянту. Потом Алеша в сотый раз чинил прокладку, мы с С. ходили смотреть керексуры. У Буянту пили чай и говорили со встречным шофером, Васильевым, приятным человеком, деятельно нам помогавшим. До дабана были все такие же холмы и долины. Вдали Отхон-Тенгри [78], как сахарная голова. После дабана пейзаж изменился. Сначала потянулось огромное плато. Так странно было на такой высоте видеть широкую степь, а на ней стада овец, пасомых монголами. Потом с юга потянулся хребет, на склоне которого лиственничный лес. Так радостно было видеть деревья после долгих безлесных пространств. Из широкой степи, где близ одного из керексуров были отличные оленные камни, выехали в чрезвычайно длинную падь совершенно своеобразного вида: узкая, она поросла кустиками караганы [79] (как сыпью). Склоны ее скалисты и круты, но все же во впадинах, а иной раз и на почти отвесных склонах растет лес. Кустики внизу, камни и лес наверху, — все это создавало впечатление пестроты, особенно заметной по сравнению с гладкими холмами других рек. Отвернули к северу в долину Иреген (?), носящую тот же характер, но более широкую. Здесь на северном склоне монастырек Агит-Хуре. По реке кусты совсем большие, изредка даже и вовсе урёма (правда мелкая) и отдельные лиственницы. За поворотом реки — Доду-Хуре [80]. Место здесь очаровательное. Река делает изгиб, и долина как бы заперта со всех сторон горами; на правом берегу она крута и камениста, на левом покрыта лесом и отличается сравнительно мягкими контурами. От закатного света леса стали розово-рыжими. А потом, потускнев, пепельно-зелеными. Позже над ними встала большая светлая луна. Дети из аила на том берегу принесли вязанку хвороста и корзину аргала [81]. Мы ярко разожгли костер, сварили изумительную кашу из баранины и лапши и долго сидели. Я сказала С.: «М[ожет] б[ыть], так в последний раз с тобой сидим у костра?» Он сказал: «Да, может быть...»

30/ VII

Рано встали. Пока наши слаживали машину, мы с С. отправились в монастырь. Красив там цокчин [82], просторный, из потемневшего дерева; внутри лес колонн и стропил.

В эмчинер-дацане [83] шел хурал [84], и ламы прекрасно пели. Это пение, однообразное, бедное мелодически, как-то затягивает, завораживает. Я стояла у порога, смотрела на ряды лам в складчатых желтых мантиях, слушала, и такое же интенсивное чувство у меня было, как в нашей опере. По очень крутому дабану поднялись на хребет. Оттуда — опять же два вида: с севера рыжие, крутые, островерхие скалы, с юга пологие, зеленоватые склоны с темными пятнами лесов. Спуск, опять подъем и спуск, не очень высокие, но очень крутые. Камни. Синие цветы. Потом ровная желтая дорога и впереди Улясутай [85] — крошечный городишко, состоящий из хашанов и байшинов с земляными крышами. Благополучно переехали многосаланную [86] реку и по мосту, мимо скалы с крошечным китайским храмом, въехали в город, в гостеприимный дом Антона Антоновича [87]. Тут чудесный двор. В глубине китайская кумирня с большой террасой на колоннах, с передней стеной, состоящей целиком из темно-красных раздвижных дверей — в верхней части решетчатых, с великолепным синим, желтым, зеленым, красным орнаментом на капителях колонн и карнизах; с золотыми иероглифами на черных, красных и белых досках. Перед кумирней ворота — арка (обычного типа); по бокам двора байшины, в одном из которых (с задерненной террасой) мы и живем. День провели приятно. Мылись в бане, обедали. Отдыхали с дороги. Вечером зашли в заведение Топала, где сильно развеселились. Доктор играл на гитаре, а пьяный шофер Бызов разглагольствовал о своей жизни. «Извиняюсь, как при даме». Вечером А. А. играл на скрипке во дворе, и было приятно слушать музыку. Луна серебрила облака. Я глядела на С. и думала: вот мой кумир.



31/VII

Сидели во дворике. Лама с метелкой отворил кумирню и пошел там подметать. Я пошла за ним. Полутемно. В глубине, в трех нишах, обрамленных занавесями из вырезанного узором атласа, три божества; огромные, толстые, со страшными лицами, покрытые мантиями из желтого и оранжевого штофа. Они сидят, как большие, недвижные кучи ужаса. Перед ними на столах толстые красные свечи; висят большие блестящие шары. С потолка спускаются стеклянные разрисованные фонари. По стенам бумажные фонари, как тыквы. Стоят красные пики с золочеными шарами, руками, алебардами на концах. За их лесом 4 стража, раскрашенных и вооруженных. В этот день ходили на мет[ео]станцию. Я с Галей [88] ходила в скалы за клопами. Вечер просидели на дерновой веранде. А. А. играл на скрипке.

1/VIII

День как и прежние. Опять ловила клопов. Ходили на мет[ео]станцию. Долго сидела или ходила по двору днем, на закате и вечером. С этого двора не хочется уходить. Вечером старый китаец долго бил в колокол (без языка) на башенке.

2/VIII

Опять те же занятия, вернее, тот же отдых. А китайцы готовились к празднику. Развешивали фонари во дворе. Выставили на террасу кумирни красные пики, а под крышей все вокруг обвешали флагами; все столбы украсили длинными полосами красной бумаги с иероглифами...

3/VIII

...Вечером с интересом смотрели на китайский театр и на зажженные фонари во дворе... С. сказал, что поедем вместе на гору. (Дошел слух о пропавшем нашем караване.) Какая это была радость...

4/VIII

День прошел обычно. Провожали доктора. Радость, что хоть не сегодня разлучаться с С. Я с содроганием представляла себе, что могла бы уехать с той же машиной в тот же день. Вечером опять горели фонари. Оглушительно палили петардами, и снопы искр рассыпались по двору. Все три придела храма были открыты, и там теплились огни свечей; дымили курительные палочки, приносимые китайцами-богомольцами; во дворе и перед театром целый день толпился народ. Я тоже ходила туда смотреть, особенно хороши актеры, изображающие женщин...

5/VIII

День разнообразила верховой прогулкой с Ек. П.[89] Как весело было мчаться рысью на отличной лошадке. Все горести свои и заботы я забыла в радостной скачке. Приехала, и вся кровь во мне играла, и словно нет моей печали. Вечером сидела одна на завалинке, покуривая ганзу. С. подошел, сел около, и так мы сидели рядом и говорили друг другу нежные слова. Я сказала: «Хорошо так быть друг к другу, как мы с тобой». И он сказал: «Да. И это правда...»

6/VIII

Опять обычный день. Ходили с С. на мет[ео]-станцию. В доме чистили дикую смородину. Я опять ходила на мет[ео]станцию (одна). Вечером долго разговаривали в постели с С. о жизни и смерти...

7/VIII

Утром прибыл караван. Радость; мешки, ящики, сваленные у дома; знакомые лица караванщиков. С. фотографировал. Ходили с Е. П. в баню...

8/VIII

Сегодня должны были выехать на Отхон-Тэнгри, но остались по причине потери лошадей. День прошел беспорядочно. Я слонялась, не зная, что делать. С. и А. А. играли в шахматы без перерыва. Вечером слегка пили вчетвером, отчего весьма развеселились. Я рано легла. С., отыгравши с А. А. положенное число *a tempo*, тоже лег, разбудив меня.

9/VIII

Замечательный день... Я уезжала с таким легким сердцем, как давно не было. Выехали днем. С хозяевами простились у реки. Снова «Полли и пилигрим» поехали на ходке путешествовать по горам и долам. Долина Цзагастая [90] очень населена. Дорога наезжена. Караваны верблюдов, всадники. Большие кусты колючей караганы создают своеоб-

разный пейзаж. Под вечер отвернули в очень живописную падь Улан-халак. Тут налево красноватые скалы, утесы; направо крутая, величественная гора Цзурхэ, заросшая лесом. По узкой долине бежит речка. Стали под горой на берегу. Как радостен был этот первый настоящий «экспедиционный» ночлег.

10/VIII

Встали очень рано. Утро было чистое. У ближних монголов наняли проводника и купили барана. Пока Лупсан ездил за ним, пили чай у лесной опушки под горой. Я ловила клопов. С. сочинил новую песенку. Стало пасмурно, когда отвернули в падь, ведущую на дабан. Он был весьма трудный. Собственно, это не перевал, а настоящий голец, куда пришлось подняться с ходками. И людям и лошадям было нелегко. Наверху, большая, белая как пломбир, показалась вдали вершина Отхон-Тэнгри. Что-то она сулит бедному, милому С. Хоть бы благополучно все прошло. Налетел дождь, град; ветер сбивал с ног. К счастью, скоро опять прояснело. Начали спускаться опять с большим трудом. Снова дабан, уже пологий. Конечно, шли пешком. В одном месте, поджидая ходки, С. сидел у большого камня. Я прикорнула возле. С. был ласков, жалел, что устала. Здесь в каждой котловине небольшие озера, а тут перед нами было красивое, маленькое, с песчаным пляжем. Еще спустились и стали между двух озер под горой, немного поросшей лесом. Опять уютно ужинали в майхане. Рано заснули.

11/VIII

С утра и до обеда я собирала приозерную флору. С. охотился за птицами. После обеда С. немножко поспал. Выехали часов в 5. После переменных дождей день разгулялся чудесно. Спустились от озера в долину р. Аршантэ. Она очень красива. Один склон лесистый, другой голый, но по верху и здесь и там гольцы. Одни лежат темными массами, другие вычерчиваются острыми гребнями на фоне ясного неба. На одном особенно трудном спуске даже С. остался при ходках, а я ушла далеко вперед. Как радостно мне было идти так одной вперед по этой солнечной долине, сняв шляпу, подставив волосы теплому ветру, перепрыгивая по камням через встречные речки, и все это зная, что С. там, близко. (Даже страшно бывает так радоваться, кажется, «сглазишь», но ведь не так уже часто приходится, вот и не отгоняешь радости, если она прилетает.) Дорога шла по террасам правого берега, изредка опускаясь вниз. То ничего было ехать, то опять камни, ямы. На последнем броде чуть не перевернулись. Стемнело. Дорога ухудшилась. Мы с С. шли вперед, а ходки сильно отстали. Попалась навстречу речка. С. легко перескочил по большим камням. Я же осталась. Долго стояла одна под звездами. Заря быстро потухла. Наконец, С. вернулся, подошли ходки и мы у этой же речки стали на ночлег. <...>

12/VIII

Весь день провели на месте. С утра ходили с С. на аршан[91]. Каменисто, сухо, маленькие кубические избушки с «ваннами». Сквозь них протекают зеленоватые сернистые ручьи. Много обо, каменных, иногда с сучьями. На маленьких кучках камней дощечки с монгольскими и тибетскими надписями. Маленький чугунный субурган с бурханами в киоте на большом деревянном пьедестале — будке с навесом. Говорили с приехавшими лечиться монголами. Все больше ламы. Поев грибов с мясом, опять пошла на аршан собирать цветы. С. и Ф. Б.[92] с Антоном ушли на голец, а я перебирала растения с профессором и у него же пила кофе, занимаясь культурными разговорами. Убирала палатку, читала magazine без удовольствия. Ждала. Наконец-то пришли. Так приятно, когда он приходит после дальней экскурсии, подавать ему чай, сидеть около, слушать.

13/VIII

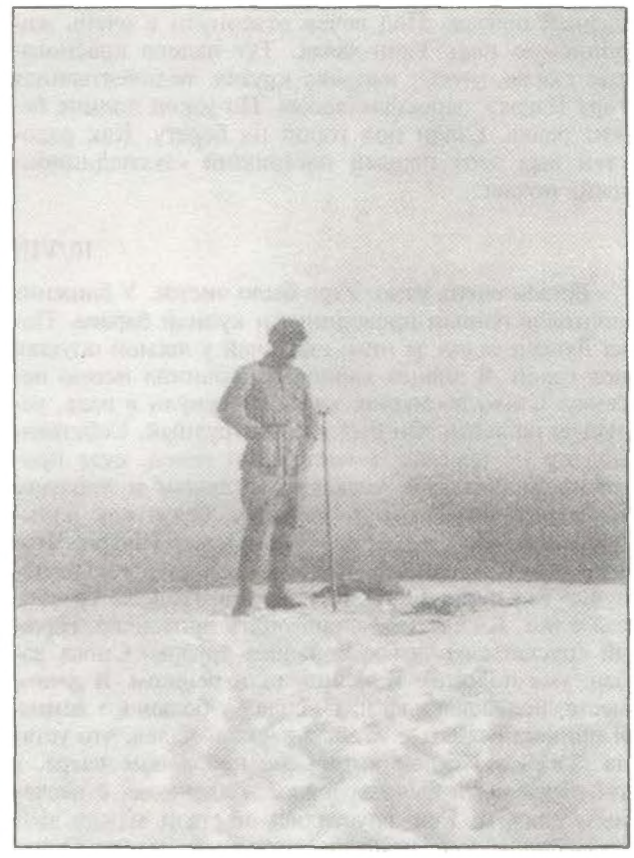
С утра лил дождь, но скоро прошел. Собрались, завьючились, поехали. Путь идет по неширокой долине, слегка болотистой. Сначала склоны лесисты, потом сплошь камень. Россыпи, скалы, утесы, совершенно отвесные. Ехали и шли долго. Стали в самой вершине на дне цирка. Вокруг серые скалы, крутые склоны с зелеными и красными россыпями. Пожелтевший луг. Шумный обмшелый ручей. Вчетвером полезли на перевал. Я, конечно, отстала, но все же добралась в конце концов. Очень крупные камни. Среди них, как внезапный дар, цветы. Белые, нежные как повилика; другие желтенькие мохнатые, третьи как серенькие фонарики. С перевала Отхон-Тэнгри кажется близкой. Грузная, крутая. Снежная. У костра все были почему-то серьезны и тихи. Люндун [93] зажег арцу [94] и пел тибетские молитвы. Было очень холодно. Улегшись, прижались друг к другу и согрелись.

14/VIII

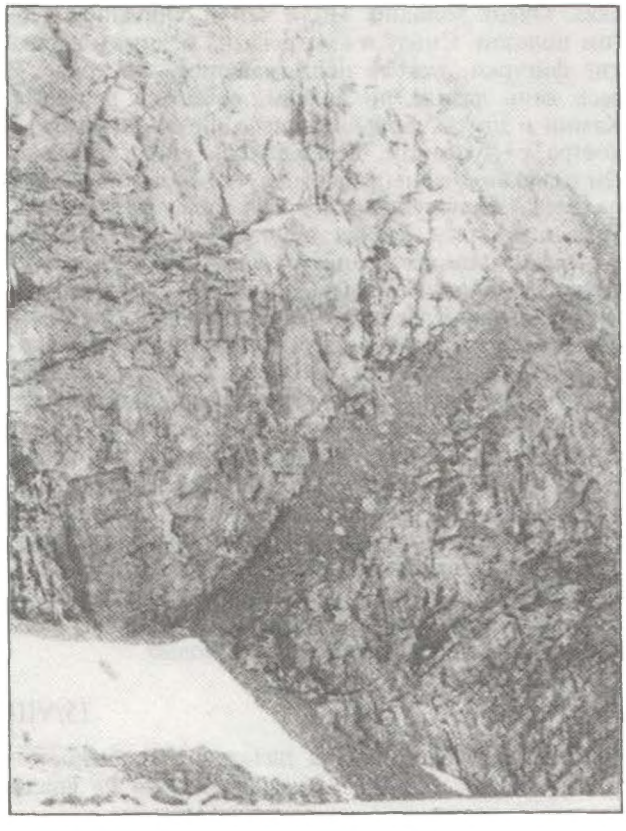
Встали рано. Солнце едва золотило вершины скал. Очень холодно. Пили чай. Собирались. Потом полезли. Снизу я смотрела на бедные маленькие фигурки, тяжело поднимавшиеся по круче. Я весь день лазила по скалам, собирала растения. Камни и цветы. Больше ничего. Вечером сидела у костра с Лупсаном. Становилось очень холодно. Он разложил огонь в майхане. Стемнело. Говорили о своих. Прислушивались. Я стала волноваться. Лупсан молился, возжигая арцу. Вынул из-за пазухи гайтан, там за иконками лежали грязные листочки с тибетскими письменами. Он велел сказать мне какое-нибудь число. Я сказала 10. Потом он посмотрел в бумажку и сказал, что придут не скоро, сейчас они еще на горе, но вообще все хорошо (поднял большой палец). Уже совсем ночью пришел профессор, который не успокоил меня — ведь он ушел, когда они едва поднялись до полугоры (так. — *К. Я.*). Легли в палатке. Я не раздевалась, только натянула на себя одеяло. Это была скверная ночь. Я то просыпалась, то снова забывалась тяжелым сном. Горела свеча. Профессор вежливо похрапывал, а мне все чудилось разное: то казалось, что камни падают с перевала, то слышались голоса какие-то. То шаги. Было очень холодно.

15/VIII

Рассвело. Я вышла из палатки. Все было покрыто снегом. Никого. Легла снова, но не спала.



Вдруг ясно слышу: падают камни. Я вышла и вижу С. (такая маленькая фигурка) спускается с перевала; уже низко. Я как безумная выбежала навстречу, вспомнила, что нет чая, ничего горячего. Вернулась, разбудила Лупсана, снова пошла навстречу. С. шел весь осунувшийся от усталости. Темнолицый. Он поцеловал меня. Я даже не спросила, взошли ли они на гору. Тогда это было мне неважно; ведь главное, что он вернулся. Но они все-таки взошли, и, конечно, это было радостно. Подошли остальные, усталые, но довольные. Ели, пили, потом залегли спать. Я тоже немного поспала успокоенная. Потом, встав, немного пособирала цветы. Потом уложились и снялись с места. Мы с С. шли пешком. Залезли на скалы, где думали дойти до озера, но его там не было. Я очень сморилась (два дня почти не ела, несла фотоаппарат и тяжелая дорога). Пришли к аршану уже ночью. Зато какое наслаждение пить чай, есть поджаренный хлеб с сардинками, а главное, раздеться и лечь в теплый мешок рядом с С.



16/VIII

Полдня перекладывала растения. Собирались. Выехали, но проехали недолго: сломалась Антонова телега. Стали в долине у реки. Я промочила ноги на броду и пошла в гору, чтобы согреться. Там же ловила клопов.

Вернулась — уже почти стемнело. Все сидели у костра. Вечер прошел тихо. Все сидели вместе. Разговаривали. Хорошо. Я все-таки сильно застыла, и С. чудесно согревал меня.

17/VIII

Утром вышли вперед. Было солнце, и весело было идти рядом с С. или немного позади. Держать ему ружье. Подавать бинокль. Долго сидели у озера на перевале. С. на камне, я рядом с ним, на траве.

Поджидая телеги, лежали на склоне внизу под дабаном. Это было изумительно приятно. Постепенно подходили и подъезжали остальные. Курили, ели шоколад. Тихо переговаривались. Потом мы с С. пошли через более краткую дорогу — падь Хабчик. Эта падь поистине очаровательная. Остродонная, с быстрым ручьем, вьющимся в кустах. Тропинка лепится по склону правого берега, а левый — красные скалы, камни, осыпи. Среди них кое-где зелеными пушистыми пятнами лиственницы или уже поалевшие кусты. Отдыхали немного под деревом внизу. Потом дошли до условленного места, где и ожидали караван. Долго лежали у опушки леса под склоном, отдыхали, иногда засыпая. Когда подъехали [спутники], варили обед и решили здесь заночевать. С. ушел охотиться. Я с профессором вела в палатке разговор о поэзии. Потом мы с С. ели персики в палатке.

18/VIII

Утром не удалось выехать. Долго искали лошадей. Я ловила клопов. Читала С. из английского *magazine*. Наконец, уже днем, выбрались. Быстро ехали по старой дороге. Ненадолго стали у устья Улан-Халак, чтобы сговориться насчет табуна с адучином [95], пожилым монголом с косой и свирепым лицом. Поставили майхан на лугу и втроем (Ф. Б. верхом) покатили в Улясутай по знакомому Цзагастаю. Приехали уже в сумерках. Знакомый вид; дружеские лица; китайский дворик. Как я была благодарна судьбе за то, что теперь въезжала со спокойным чувством, а могло быть иначе.

19/VIII

День прошел сплошь в укладке растений. Приходили и уходили разные люди. Было хлопотно и утомительно.

20/VIII

День прошел так же, с тем различием, что укладывали не растения, а разные вещи.

21/VIII

И этот день прошел скучно. Утром уехал (так. — *К. Я.*) автомобиль. Потом пошел дождь и заболел С. Это грустно и беспокойно.

22/VIII

С. весь день лежал в постели, иногда спал. Лил дождь, и было невесело.

23/VIII

День прошел тоже скучно, т. к. С. все еще плохо себя чувствовал и лежал. Но погода прояснилась. Мы с Галей ходили купаться на реку, а вечером был чудесный закат с лиловыми и сероватыми облаками. Я сидела во дворике, читала; горы пламенели желтым костром, потом потухли, и облака стали опаловые.

24/VIII

С. стало лучше. Он лежал не все время и даже ходил обедать. День был опять чудесный, с яркосиним небом, теплый. Я опять читала во дворике, глядя на облака. Вечером шла одна ужинать по темным улицам с потухающей лимонной зарей. Ночью светила половина луны.

25/VIII

С. встал. Отправили Антона. Снимали детей. Я много читала, сидя во дворе. Вечером с хозяевами слегка выпили и потом много играли с С.

26/VIII

Весь день собирались выехать, но из-за лошадей ничего не вышло. День прошел как предыдущий. Снимали, разговаривали. С. играл с А. А. в шахматы. Я читала в тихом дворике. Вечерние облака цвели в небе.

27/VIII

Наконец, утром привели лошадей. Опять пахнуло вольным воздухом кочеванья. Я радостно переоделась в штаны и сапоги. Уложили вещи. С. фотографировал музейные коллекции. Среди дня поехали. Было солнце и дикий ветер. Дорога знакомая, немного скучная, но приятно опять ездить. На лагере — большом пустом лугу у речки — знакомые майхан и палатка. Знакомые лица Ф. Ф. (босого), маленького Лупсана. В майхане у костра долго затянувшийся обед-ужин, потом, уже при свечах, в нашей палатке партия в шахматы: С. и я против А. А. и Ф. Ф. <...>

28/VIII

Полдня дул нестерпимый ветер, набегали тучи, лил ливень; потом тучи разошлись во все стороны. И небо выступило ослепительно голубое. С. долго сидел в палатке, писал. Я ходила на горы, в лес за клопами. Выехали в 4 часа. Было ясно, но холодно, и мы замерзли. Сначала ехали по широкой, пустой, почти безлесной пади, потом свернули на запад и так ехали до темна. Здесь есть аилы. Лесу больше. <...>

29/VIII

Рано встала. Утро ясное. Свежая трава, вся седая от мороза. Пока запрягали, С. ушел вперед, потом и я. Он остановился на перевале, а я прошла немного дальше. <...> Было очень тихо. Огромный, весь в россыпях голец стоял передо мною; маленькие мягкие суслики выбегали из норок, вставали столбиками, потом быстро исчезали в земле. Съехали с перевала, круто повернули и поднялись на новый с «природным» обо из выходов породы на верхушке. Проехали верст 6 по пади и стали на обед. С. ушел на охоту в лес, я туда же за клопами. Приятно ходить по лесу в солнечный день. Склон крутой, поросший мхом, густые заросли тонких, как волосы, молоденьких лиственниц. Обедали среди телег. Потом мы с С. опять ушли вперед. Здесь реки сошлись, образуя огромную площадь (как поле), кое-где вздыбленную скалистыми сопками, словно гигантскими кочками. Далеко за ними небольшое серебристое озеро с островком (на котором, наверное, ни один человек не был). В поле керексуры, могилы. Здесь мы нашли 3 каменные бабы, потом еще одну. Возились с ними. Далеко с горы спускался автомобиль, направляющийся к юрте Стормонга, кот[орую] можно было узнать по флагу на шесте. Поднялись на эту гору, спустились в узкую падь с аилом под горой и поодаль стали у почти пересохшей речки. Солнце заходило. Я пошла вверх на небольшой перевал. Лес впереди горел изумрудно-янтарным пламенем. Облака на западе были лиловые с краями расплавленного золота. Вернувшись, лежала в палатке, глядя на небо. Облака — дымчатые и опаловые — принимали очертания каких-то странных женщин. Спутники громко ругались между собой в майхане, но когда я пришла туда пить чай и греться, стихли. Легли рано, оба согласившись, что это очень приятно и что странно людское нежелание смерти, которая ведь тоже значит: лечь и заснуть. Луна встала над горой ярко-голубая.

30/VIII

Встали в 5. Было ясно и холодно. С. долго писал дневник. Отправили наших. Сходили с С. вверх на горку. Снимали кочевавших монголов. Быки, нагруженные добром, шли важные, как башни. Старушка и девочка верхом на больших лохматых сарлыках гнали стадо из баранов. Бесконечно поднимались по длинному [пандусу] на дабан. Места голые, серые, желтые. С дабана видна верхушка Отхон-Тэнгри, серебристая на солнце. Я чувствовала к ней нежную благодарность за то, что она была милостива к моему С. Спустились в широкую и желтую выжженную падь. Здесь у ручья обедали. Было жарко, так что даже лежали в тени телег. Потом свернули в другую падь, еще шире. Кое-где на ней курганы, керексуры. Здесь уже под вечер стали на

довольно высоком берегу речки. Это истоки Селенги. Здесь людно. Вдали видны юрты. Несколько аилов. Большие табуны, белые стада баранов пасутся в степи. Было пасмурно и неожиданно очень тепло. Не хотелось даже приближаться к костру. В палатке при свече С. рассматривал карту, а я сидела, прислонившись спиной к суме, курила и смотрела в ночь. Было спокойно и приятно. <...>

31/VIII

Проехали верст 20, но казалось гораздо меньше. Ехали все по той же ровной, безлесной долине. Холмы по краям и много керексуров. Большой камень из розового гранита с великолепным рисунком оленей. Тучи, синие и серые, все время клубились по небу. Налетал дождь с градом; снова появилось солнце и пекло. Наконец, дождь пошел как следует. Мы остановились около одинокой юрты в степи. Низкая, как обритая трава. Маленький колодезь с грязноватой водой, отмеченный поперечными слегами. День провели бестолково. Приходили монголы; мы ели колбасу, приготовленную Лупсаном из только что зарезанного барана, потом ананасные консервы, потом баранину с чаем, потом опять ананасы. Я рано легла спать.

1/IX

Встала в 6. С. был ласков. Утро было пасмурное, но тепло. Нам сказали, что до воды 30 верст, потому решили выехать попозже, сначала пообедав. Я пока сидела в юрте, где молодая монголка, хозяйская дочь, показывала мне свои и материны платья. Рядом с бурханами у них стоит большой шаманский бубен. Выехали часов в 11. День был серенький, но медленно прояснивался. Пошли переваливать с дабана на дабан. Небольшие долины с густой, подсохшей травой; под скалами бархатно-зеленые, круглые пятна убульджонов[96]. Воды нигде нет. Большое стало дзеренов, завидя нас, умчалось — как горох рассыпалось. В другой долине одинокий верблюд лениво повернул голову в нашу сторону, потом опять отвернулся. Встретились монголы — три всадника: молодой в фуражке со звездой приложил руку к козырьку; пожилой в темных очках снял (по-европейски!) свою островерхую парчовую шапочку; женщина, настоящая сквау[97], с широким лицом, прямыми черными волосами, со шляпой на спине. Еще встретилась кочующая семья: отец — верхом, мать и дочь ведут нагруженных верблюдов, на одном из них ребенок. С последнего дабана открылась широкая котловина с озером Ангиртэ-нур. Оно лежит серебристое в плоских берегах. Вокруг невысокие холмы, а с севера 6 больших продолговатых барханов. Это было неожиданно интересно, и С. решил остановиться. Майханы поставили на большом песчанистом лугу между барханами и озером. Здесь чуть что не город. Вокруг всего озера юрты, стада баранов, табуны. Мы с С. пошли к озеру. Поднялся ветер, голубая поверхность зарябилась, и тысячи мелких барашков набегали на берега, оставляя клочки пены, нарастающей грязноватым, пышным слоем на плоских, голых берегах. Солнце близилось к закату. Из небольшой тучи пошел дождь, но какой: туча была совершенно персикового цвета и похожая на чьи-то густые волосы, а дождь шел мелкий, золотой, словно свет сыпался из небесного сита. А на востоке встала огромная, многоцветная двойная радуга. Великолепной дугой она «полнеба охватила»[98], и заключенные в ее раму холмы казались гигантскими декорациями, а облака за ними — словно написанные на заднике. Но вот дождь перестал, туча из персиковой стала сливно-лилового (так. — *К. Я.*) цвета. Солнце зашло за большой, песчаной, поросшей редким лесом горой. Вечер наступил чудесный. Я еще насобирала мешок растений (серые, беловатые) на барханах, потом пошли с С. ужинать. Сидели перед майханом, горел костер. Зажгли свечку. Было тепло и очень, очень тихо. Звезды зажглись одна за другой. С. спрашивал имена монголов. Из-за горы вставала луна. Сначала только свет ее зажег белым и светло-желтым пламенем края облаков, потом в выемке горы возникло нечто ослепительно-блестящее, как огромный алмаз, и наконец вышла вся луна, большая, полная, сияющая. Блаженно было так сидеть, глядя вокруг, слушать, как Люндун читал нараспев какие-то восхваления горам, рекам и озерам. Я долго не сдавалась на напоминания С., что пора идти спать, но все же раздеться и вытянуться в мешке было тоже блаженство.

[2/IX]

Утром опять встала раньше С. Сидела в майхане. Облако, поднявшееся от озера, туманом закрыло солнце. Выехали около 2, а до этого С. снимал барханы, а я около них собирала растения. Ехали долго и опять, как накануне, переваливали с дабана на дабан. Наконец, с седьмого дабана открылось внизу озеро, и мы долго сидели с С. на горе, смотрели. Оно изумительно, это озеро. Неширокое, но очень длинное (30 км). Конец не виден за горами. Цвет его был невыразим: синее, блестящее, но не как зеркало, а как какой-то сказочный синий драгоценный металл. Сухие, голые горы вокруг вставали лунным ландшафтом. Солнце заходило, и волшебно менялись краски. Озеро становилось все синее, потом чернее, и только длинные, острые щели света как мечи пересекали его сияющую поверхность. А на горах синели, темнели тени. Освещенные склоны, наоборот, становились ярче, золотее. Самые дальние горы были совсем лиловые. Когда съехали вниз, было уже темно в степи и только озеро лежало светлое, под светлым небом потухшей зари.

3/IX

С утра с С. ушли на озеро и долго обходили извилистые берега. День был жаркий, тихий. Озеро медленно катилось к низким берегам, темно-синие волны, клубящиеся пеной, мало-помалу успокоились, и оно лежало гладкое, изумительно голубое, блестящее, неописуемое. На длинных острых мысах суетились и кричали большие птицы: гагары, гуси, утки, журавли, чайки. Чьи-то лошади паслись в ложке́, две зашли в воду и недвижно стояли, дремали, блаженствуя. С горы был виден далекий западный конец озера с 2 островами-сопками. На обратном пути мы с С. купались в заливчике, озеро совсем утихло. Вода, как масло, гладкая и

тяжелая, стояла недвижно. Хлопья пены, пышные, как лебяжий пух, там и сям держались на поверхности. Вода холодная, пахнет морем. И цвет у этого озера совсем как в Черном море: те же зеленоватые оттенки в синем по утрам и вечерам. Мы прошли большой путь, и я здорово устала. <...> Остальной день провели в палатке. С. писал, а я шила. Полил дождь. Ветер рвал палатку. Снаружи ночь была темная, мрачная. Проснувшись ночью, мы нашли себя погребенными под палаткой. С. долго возился, убирая вещи; зажигал свечу, звал Суетина и Антона. Они кое-как налаживали палатку и сломали палку. Мне до того хотелось спать, что я только глубже зарывалась в мешок и слышала их возню как в полусне. <...>

4/IX

Встали поздно. Полдня выносили и сушили вещи. Отправили Ф. Ф. и Антона на съемку озера. Потом С. ушел на охоту, а я читала свой *magazine* и делала горчицу. Жаль, что палатка стоит так неудачно. Озеро далеко и видно, только когда выйдешь наружу, да и то — узкой, синей полоской. Но так оно еще больше напоминает морской залив. С. вернулся с убитой гагарой. Остальное время провели в палатке. С. занимался. Я читала и шила.

5/IX

Два раза ходила с С. на съемку. С утра измеряли базис, а во второй раз ходили вверх по долине. В промежутках пребывали в палатке. Он вычислял, а я читала или чинила. Озеро меняло свои краски. Синее, голубое, зеленое, стальное, оно всегда одинаково прекрасно.

6/IX

С утра ходили с С. и Люндуном на южную горку — Дунчи. Было пасмурно. После обеда поехали на ходке к северной горке — Шеру. Спутники наши, Суетин и Лупсан, навеселе от кумыса, немилосердно гнали лошадей и дурили. На горке было чудесно. С севера надвигались тяжелые тучи, но гроза прошла стороной, лишь слегка побрызгала нас дождем. Зато озеро лежало под ногами видное все целиком, вплоть до самых дальних берегов, и оно было невыразимо красиво. Ветер, гнавший тучи, за которыми солнце то пряталось, то выглядывало, менял краски озера с волшебной быстротой. И то это была ослепительно серебряная рябь, то лазурь, то какие-то сияющие ярко-зеленые пятна по синему. Дальние берега были неясны, призрачны, и потому (а особенно оба островка) казались удивительно привлекательными. Возвращались пешком по самому берегу. <...>

7/IX

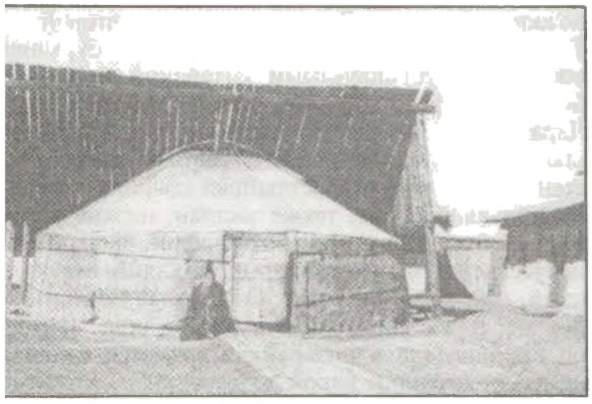
Весь день провели дома. С. вычислял. Я ходила к озеру за гуджиром[99]. А то так сидела. Вечером приехали Ф. Ф. и Антон. Радостная встреча. Рассказы. Заря была лимонная.

8/IX

Наконец-то выехали с прекрасного, но все же достаточно виденного Тельмин-нора[100]. День опять ясный и ветреный. Долго ехали по пескам, и озеро показывалось из-за гор, голубое, очаровательное. Перевалили 2 боковых отрога. Перед длинным дабаном мы с С. слезли и пошли пешком. Спустились с крутого склона; внизу, в маленьком логе одинокая юрта. Ее обитатели пугливо выглядывали, потом снова прятались за войлочным занавесом двери. Впереди опять крутой волнистый перевал. Наверху там и сям, как гнезда, лес уже желтеющий. Так радостно было видеть его и хотелось остановиться и посидеть на опушке такой рощицы, на крутом склоне, текущем вниз, в золотом закатном свете. Сверху изумительный вид на озеро и горы. Перевал длинный. Ожидая остальных, мы с С. пошли на голец и потом пешком спустились с дабана в остродонную долинку с лесом по северному склону и радостным после долгого безводья ручьем. Стали в ямке на южном склоне.

9/IX

Встали рано. Утро холодное, слегка пасмурное, немного посыпалась крупка. Потом разъяснило. Очень близко от нашей стоянки долина расширилась. Мы с С. шли вперед пешком. Повстречался бычий караван — те самые, с которыми отправил записку А. Д.[101] Сели в кружок на земле и оживленно разговаривали, обсуждая возможности ехать на Бустэ-нур и прочее. Монголы говорили все сразу. Мальчишка в грязном тулупе вставлял свои сведения. Женщина, высоко сидевшая на ящике, с голой грудью, выпиравшей из рваной шубы, кричала свое. Ничего не поняв, но, кажется, довольные друг другом, двинулись дальше. У аила остановка. Пока Люндун ездил за местными жителями, Лупсан разложил крошечный костер, вокруг которого сгрудились все. Местный оказался молодым хара-хуном с косой, рябым лицом и веселыми хитрыми глазами. Опять все много и быстро говорили, но поняли не очень много. Награжденный коробкой папирос хара-хун в восторге ускакал, мы же начали медленно взбираться на дабан. Здесь было хорошо. Лес придвинулся близко к дороге, и по ту сторону перевала рощи росли не только по обоим склонам, но даже и [по] дну долины. В тени одной из них остановилась семья кочующих монголов с верблюдами, быками и конями. Удивленно глядели люди на наш караван. Но лес быстро кончился. Долина разрослась в степь, широкую, пустую, изрытую длинными трещинами от землетрясения. Здесь в узеньком ложку стали на обед у ручья. С. убил орла, и Антон сделал мне сойок[102] из когтя. Пообедав, поднялись в гору и долго ехали по высокому плато. Здесь пустынно. Только изредка в ложках табуны. Ветер дул сильный и холодный. Спустились к Могою. Здесь решили ночевать: уртонский[103] монгол сказал, что близко воды не будет. Поехали в сторону, к лесу, мимо уртонской юрты с дюжиной лошадей, привязанных к веревке, натянутой на высокие шесты. Спали в чудесном месте, в устье узкой остродонной, очень извилистой пади. Майханы поставили на полянке. Склоны очень крутые, почти отвесные. На одном золотой лес, на другом серебристо-зеленая трава. С. сразу ушел на охоту. Я разложила вещи и тоже ушла вверх по пади. Она вьется крутыми изгибами. Каменистый пересыхающий ручей, опушенный об-



евшими кустарниками. Деревья, камни, чудес-

Возвращаясь, прошла верхом, по обрыву, и го сидела в лесу в ямке на мягком мху. Выку- а несчетное количество трубок. Было чудесно. отой свет постепенно бледнел, гас; стволы ли- енниц становились все чернее. Поистине — ха- модо [104]. И воздух в сумерках словно затянулся тиной. Я сошла вниз. Там было уже совсем но и тепло. С., вернувшийся, лежал на траве. В еком небе засветились звезды. В майхане горел нь. Было как-то удивительно приятно на душе. инали и долго все вместе разговаривали. <...>

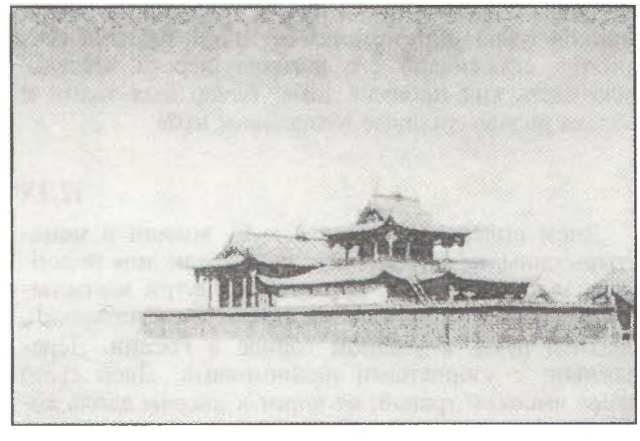
10/IX

Встали рано. С. ушел на охоту. Я прибирала ди, ходила в лес. Там было чудно. Утро встало гка облачное, и почему-то в лесу казалось, — воскресенье, так праздничны были светлые твенницы, так уютно и тихо там было. Потом сте с С. и Ф. Ф. ходили вверх по узкому логу,

где на солнечном склоне — серебристо-зеленая трава, на теневом — мягкий лес. Поднялись высоко по гребню на вершину, с которой видно было вдали озеро Эренцен-Онсугнай. Серпообразное, с лесистыми склонами по берегам и крутой сопкой-полуостровом. Дул сильный ветер. Мы сошли вниз и немного погодя выехали. Погода испортилась. Набежали тучи; ветер дул убийственный. И наконец, вихрем налетела буря со снегом и дождем. Мы тут стали, поджидая остальных. С. пошел на перевал смотреть озеро, а мы с Суетиным в дождевиках мерзли и грелись у костерчика. Дальше поехали очень быстро. Плохо помню места: дабан, долина с белыми пятнами камней, опять дабан с «мани» [105] на столбах. Здесь по склону росло немного леса и тут же тройка понесла, едва не убив Суетина. Долго ехали по долине, потом свернули резко на запад, на маленький каменистый дабанчик, изогнувшийся опять к северу. Оттуда уже был виден далеко внизу, в степи, Дурекчиван [106], большой, раскинувшийся. Быстро по длинному пологому спуску подкатили к городу. Поискали немного наших, и наконец въехали в большой хашан Стормонга. Два синих майхана, телеги, друзья. Радостная встреча. Грелись, ели, отдыхали; выпили все — и приехавшие и остальные. Никому не было дела до коней и вообще до всего на свете. Один Вася метался от майхана к майхану и нервно кричал: «Что же это такое? То-то надо, это-то надо, куда же это все подевались, черти!?»

11/IX

День солнечный и немного менее ветреный. Ходили в китайские лавочки. Все они располагаются в глубине просторных дворов, в маленьких



байшинах с цветами на окнах. Лавочки темные, грязные, разделены пополам перегородкой с прилавком. В одной половине полки с товаром: далемба [107], чайники, ганзы, галантерея; на веревках развешаны отрезы шелка и парчи. В другой половине печка, помост с подстилкой и на нем обычно черная фигура китайца, погруженного в блаженство опиума. По стенам картинки: пейзажи и красавицы. Потом мы с Люндуном пошли в монастырь, где благодаря его красноречию ламы всюду нас принимали любезно, угощали и показывали то, что мы просили. Монастырь очень велик и видно, что пространством здесь не стесняются: улицы широкие, площади большие, дворы просторные — обычно чисто подметенные или поросшие травой. Здесь у всех против ворот юрта (1—2) обязательно с крутым навесом на сев. стороне. (Улицы тянутся с запада на восток, а ворота дворов всегда на юг, так что одна сторона — сплошные заборы.) Храмов насчитали 22, да еще за монастырем с востока 2 стоят отдельно в больших усадьбах, но возможно, что их больше. Храмы все деревянные и, за одним исключением, китайского стиля, того трафаретного типа, который я наблюдала в Зап. Монголии, начиная от Дзо-хуре (близ Урту-Терхэ), тип, характеризующийся однородной формой крыши, обилием столбиков, поддерживающих как основную крышу храма, так и крышу надстройки, и наконец, красной (кирпичной или коричневой) окраской. Впрочем в Дурекчиване у многих храмов одна стена (иногда 2 или 3) бывает оштукатуренной с побелкой. Храмы в большинстве — одно 4-угольное здание. Храм Алтан-Ганчжур прямоугльной формы в плане. В задней части внутри алтарь, стены в шкафах с тысячами одинаковых бурханов; библиотека. В передней части обычная утварь для хурала, алтаря нет. Внутренность храма Цзурухайчи обычная. Видела еще деревянную юрту с глиняной оштукатуренной крышей и ганчжиром [108] наверху. Ганчжиры всюду очень ярко позолочены, так же как чжанцаны [109] и проч. Только один храм в тибетском стиле. Он деревянный, белый, на передней стене 2 ряда окон, на боковых — один. Самшит, к удивлению, настоящий. Интересна лампада на главной площади перед входом в курень. Это высокая башенка, застекленная в верхней части. Там лампада, которую зажигают ночью. Впрочем, ее опишу подробно по возвращении. Видела одну из кухонь. Во дворе одного монаха бревенчатый байшин, там вмазаны в землю 4 огромных медных котла. Тут же на помосте трое лам печатали *мани* тем же способом, каким ургинские печатают книги: доска с вырезанными на ней буквами, ее мажут жидкой тушью при помощи щеточки, накладывают листок, сглаживают его комком шерсти. Остальную часть дня провели дома. Вечер был тихий и облака розово-лиловые в опаловом небе.

12/IX

Днем опять с Люндуном и С. ходили в монастырь снимать. Кроме того, осмотрели дом покойного здешнего князя. Дом стоит внутри монастыря, в хашане; по стилю он похож на купеческий, средней руки, в уездном городе в России. Деревянный, с узорчатыми наличниками. Двор густо зарос высокой травой; от ворот к дверям вдоль дорожки — решетки. Сначала прошли во второй этаж. Там маленькая, нарядная молельня, с бурханами, обильно разукрашенными китайской мишурой, с большими фотографиями князя, гегенши Цаган-Дара [110], еще множества каких-то лам. Затем большая угловая комната, очень светлая. Здесь вокруг стен низкий помост, застланный ковриком с тонкими подушками. Пол также застлан; низкие столики и шкафчики, портреты, фотографии, часы, банки с искусственными цветами под стеклянными колпаками, всякие безделушки. Остальные комнаты или пустые, или с убранством в том же роде. Интересна нижняя, где в шкафчиках хранятся китайские куклы — игрушки какой-то девочки из княжеской семьи. Мы были еще в курене, когда за нами приехал посланный из хошунного управления с приглашением в гости, написанным очень правильно по-русски, официально-бумажным языком. Вернувшись домой и захватив А. Д., пошли туда. В большом дворе 4 юрты и обширный синий шатер, в котором собралась большая толпа. Здесь на лавках сидели взрослые, на земле — дети, ученики школы, все одинаково одетые. (Потом они ушли и переоделись в одинаковые синие халаты и оранжевые привозные шапочки.) Снаружи расселись зрители, в центре, за столиком, на котором стоял чайник и тарелки с угощением (изюм, урум [111] и что-то еще), восседал наш Лупсан с хочиром, сразу овладевший симпатией аудитории. Нас посадили на почетное место. Дети встали и, держась за руки, спели нам пионерскую песню. Потом Лупсан пел «улигер» и еще песни вместе с Люндуном. Затем снимались. Осматривали школу: большая, почти пустая юрта с печкой, черной доской; а по стенам олеографии самого разнообразного содержания: здесь и расы мира, и коронованные особы Европы с довоенного времени, и битвы, и пейзажи. Потом мы с С. ушли домой. Вечер провели так же, т. е. слегка выпили и отлично беседовали втроем с А. Д.

13/IX

После долгих поисков коней, уборки вещей и проч. уже в 2 $^1/_2$ выехали. Было страшно весело: 4 телеги, 3 всадника, 4 собаки; все это мчалось мимо куреня вниз по гладкой дороге с шумом и смехом, прямо деревенская свадьба. Да еще день был ясный, чистый. Долина широко раскинулась простором. На крышах храмов сверкало золото ганчжиров. Было хорошо. Долго ехали по долине, которая не меняла своего характера. Иногда на склонах беловатые пятна кварца, на маленьких боковых дабанчиках приходилось проезжать по целым широким боковым плитам. Солнце уже закатывалось, чудесно освещая леса по левому берегу, похожему на позеленевшую бронзу (рыже-зеленые). Долина впереди сузилась, две лесистые сопки перегородили ее. Мы объехали правую, где на дабане стояло мани с столбами (видела раньше одно такое недалеко от Дурекчивана); спустились, опять поднялись, и тут открылся чудесный вид: справа и слева склоны 2 сопок, словно рама, а в ней на далекое пространство долина и леса по левому берегу. Спустились. Солнце уже село, и чистая заря цвела в небе. Свернули в ближнюю падь и стали на полянке, отороченной ручьем, поросшим ивой, тополем и лиственницей; а сразу за полянкой начинал-

ся лес, большой, густой и темный от елей. Было чудесно. Наши развели огромный костер, сложив большой кабан [112], и пламя буйно кипело, освещая поляну и деревья. Все сгрудились вокруг огня, варили ужин и почти беспрерывно хохотали. Мне было хорошо, и об одном жалела — что С. сидел один в палатке и не хотел выходить.

14/IX

Встали рано, но очень долго искали коней, так что выехали поздно. Зато все утро прогуляли по этим радостным местам. Сначала мы с С. ходили на гору снимать. Оттуда, слева вверх, вся долина розовая в утреннем свете, а справа прямо под ногами зеленый, пушистый лес. <...> Выехали уже после полудня. Дорога все время очаровательная. Плес порос густой уремой, чернеющей острыми зубцами елок. Постепенно свернули к нему и переехали вброд. Долго ехали по полянам, заросшим густой чащей ив. Было радостно после долгого безлесья этого года. Наши много раз охотились за дрофами и двух убили. Постепенно дорога свернула налево, а река — направо и подошла вплотную к горам правого берега. Время близилось к закату, и мы решили слегка отвернуть от дороги и ночевать у реки. Выбрали местечко, заросшее колючими кустами, за которыми еловый лесок с мелкими березками. Вечер был совершенно чист и розов. Опять разложили большой костер. Много смеялись. Монголы поочередно боролись с Васькой. Пели.

15/IX

Приятно было, выйдя из палатки, увидеть эту полянку с большими колючими кустами. Выехав, сейчас же отвернули от реки налево и поехали на дабан; немного спустились — еще дабан, потом еще. Так тянулось долго. Наконец, спустились в широкую плоскую «хундэ» [113] и завидели нашу «музыкантскую команду», которая уже выпрягла лошадей и развела костер у колодца. Сказали, что дальше воды нет. Стали и мы. Колодезь огорожен жердями; вода плохая, мутная. Около него возились женщина и две девочки: одна в синих штанах, другая в красном халатике с большими цветами. Сначала у колодца поили стадо баранов и коз, потом их сменил табун, а уж после него пошли пить верблюды. Большие, неуклюжие, они толпились, громко кричали, гоняли двух маленьких, годовалых, чрезвычайно безобразных. Пообедав, поехали дальше по узенькому острому логу — только проехать телеге, — а по выходе из него попали на широчайшую хундэ, золотистую от высокой сухой травы (совсем как наше жнивье). Здесь безуспешно охотились на дзеренов. Здесь вдруг увидели впереди машину (как интересно! Кто?!). Оказалась путешественница-ирландка, miss French. Старушка, полная и сырая, легко выпрыгнула из автомобиля, и мы полчаса поболтали с нею и ее спутниками. Как бы ни подшучивали наши, все же я такую даму уважаю. В тот год, когда я родилась (1896), та, тридцатилетняя, ездила верхом по Алтаю и вот теперь попала в эту далекую Монголию. Это была приятная встреча. Потом опять поехали. Опять поднялись на длиннейший тенигус [114]. Тут нас встретили Вася и Антон, посланные вперед. Они сообщили, что внизу, вправо, верстах в 6—8 виден Тес [115] с уремой. Такой соблазн был, конечно, неотразим, отвернули туда и покатили вниз. У реки долгий склон обрывается песчаными уступами с редкой растительностью. Здесь, переехав два узких протока и отыскав очаровательную поляну, мы и остановились. Поляна узенькая, зеленая, острые елки обступили ее черной стеной. Очень хорош был костер; высокий, а искры взлетали и вились змеями в ночном воздухе. Долго втроем разговаривали в нашей палатке. Я глядела на костер и елки. С. затопил печку и долго занимался. Я скоро заснула.

16/IX

Утром прелестная поляна опять меня обрадовала. Я ходила по густому лесу, побывала на обо, построенном у подножья большой скалы, причудливо выросшей на склоне. Сюда мы потом опять приходили уже почти все. Снимали, лазали. Выехали в 10 и сейчас же переехали Тес вброд. Все время ехали по правому берегу. Очень красиво. Лес всюду. Многосаланная река, горы каменистые, со впадинами, засыпанными песком, с песчаными буграми, поросшими отдельными кустами (как сыпь). Но дорога была тяжелая. Буераки, пески, кусты. Опять брод. Незадолго до него нам встретилась толпа лам из куреня. В красных ярких халатах они мчались, весело орали нам встречное приветствие и потом скрылись в зарослях кустарника, мелькая там, как кусочки пламени. Переехав опять на левый берег, мы немного запутались там в густой уреме островов, где и решили остановиться. Здесь урема изменила свой характер. Лиственница исчезла, ели поредели, их сменили тополь и береза, почти не облетевшие, а только расцветшие осенним золотом. В чаще чудесный запах павших листьев. Приехали довольно рано. <...>

17/IX

С утра поехали с А. Д. в монастырь верхом. Я — на знаменитом Зодьке. Дорога шла по горе, очень песчаная. Огромные барханы намело на скалы. Гандан-хуре [116] мне очень понравился. Небольшой, с изящными храмами. Много ходили там с Люндуном. Раз 5 садились на коней и слезали. Ждали гесегуя [117], потом еще чего-то. Пили чай в «чжасе» [118], большой юрте, уставленной шкафчиками. Смотрели храмы. <...> Ходили по зурачинам [119],

многочисленным здесь и очень искусным в резьбе по дереву, живописи и работе по шелку (аппликация). Затем направились в ликвидированное отделение госторга, где нас встретили толстый веселый заведующий и его тонкий молодой помощник. Оба очень приятные. Двор со многими постройками изобличал широкий размах учреждения, огород и порядок — хозяйственные способности сотрудников, а неожиданный уют в доме — присутствие женской руки. Как потом оказалось, жена помощника уехала совсем недавно — мы видели ее на машине miss French. Она прожила здесь год — единственная русская женщина — и даже родила тут с помощью ламы своего первенца. Напившись чаю, мы с Люндуном уехали, оставив А. Д. дожидаться Лупсана. Дома в палатке был милый С., книги и чудесный вечер. С оранжевыми березами, золотым светом и розовыми облаками. Несколько раз я с Васей выбегала смотреть на речку, где монголы сплавляли лес плотами. Вечером Лупсан долго играл на хочире и пел отрывки из сочиняемого им улигера [120] на темы экспедиционной жизни. Хохоту было много. Меня же очень тронуло повествование об Отхоне и о том, как мы с ним ждали остальных. С., к сожалению, не выходил и рано лег. Я разрывалась между желанием слушать дальше и быть с ним. Наконец ушла. <...>

18/IX

Рано встали. Уложились и вот опять разделились на две партии. Было немного жаль расстаться с А. Д., Чухломиным и Васей. Все трое по-своему милы, и с ними было хорошо. Лупсан временно уехал с А. Д. Добравшись до куреня мы направились в госторг и хотели тотчас выехать, но до вечера искали коней; от этого все пришли в дурное настроение. Мы с С. ходили в курень к зурачинам и колокольному мастеру. Коней нашли и выехали, когда солнце уже село. Было холодно. Желтая заря еще тлела на западе. Стали невдалеке у реки, около колючих кустов (за неимением леса, который был на том берегу). Вечером долго читали.

19/IX

Встали и выехали очень рано. Часа 3 ехали, отвернув от Теса, по однообразным хундэ, пересеченным дабанами. Для раннего обеда остановились в долине, приблизившейся к Тесу. Здесь кочки, большие кустарники, полянки. Один из наших двух попутчиков, хара-хун (с добрыми глазами и складками по углам рта, как у С.) указал на видневшиеся вдали, на сопке, развалины. Долго поколебавшись, все же решили ехать туда. Переехали 3 русла Теса, попутались в кустах, наконец подошли к самой сопке. Она вздымается среди леса и кустарников, увенчанная полуразвалившимися стенами 2 зданий (храмов) и пьедесталом субургана. 4 каменные террасы спускаются по южному склону к остаткам глиняных стен внизу. Не стоит описывать здесь подробности, т. к. это сделает отдельно С., но очень приятно было там ходить, смотреть и воображать, какие тут высились стены, какие были комнаты и лестницы. Обитателям, вероятно, было хорошо здесь, очень красиво вокруг. Под ногами пышный лес по голубым, извилистым руслам Теса. Вдали степь, скалистые горы. Радостная встреча с Лупсаном. Вечером долго сидели все у костра. Вчерашний попутчик-лама, молодой, молчаливый, с умными глазами, сделал под руководством Лупсана изумительную колбасу.

20/IX

Зная, что долго не будет воды, выехали рано. Дорога утомительна и скучна. Хундэ, дабаны, опять хундэ с золотым ковылем, опять дабаны, иногда расцвеченные редкими лиственницами. Отвернули в большую падь Агартек с роскошной травой и полным отсутствием воды. Здесь уже земля спорная (? — *К. Я.*), и наш хара-хун обнаружил где-то в логу 3 урянхайские юрты, но такие бедные, что он не решился в них зайти выпить чаю. Вода, которую эти жители пьют, такова, что он вернулся к нам и посоветовал ехать дальше. Уже на закате мы нашли, наконец, ручей в одном из распадков Агартека и стали под лесистой горой Тосну-ула. Здесь приятно. Хороший лес, вода, трава. С. ходил на охоту и вернулся в хорошем расположении духа, отчего довольно долго сидели у костра.

21/IX

С. рано встал и ушел на охоту. Я встала вскоре. Пили чай у костра. Солнце еще не всходило, и желтая заря тлела над горами. Утро лучше всего... до восхода. Тогда это, пожалуй, самые таинственные из всех часов дня и ночи. Там на востоке что-то совершается. Освещаются какие-то покои, и люди смотрят на свет и ждут нового дня. Потом возилась в палатке. Пришел С., отдохнув, пошел опять. Я тоже пошла клопить. Лазила по камням, ходила по лугу и лесу. Золотые лиственницы, густая трава, ивы. Их листья падают, шуршат под ногами, благоухают. «Листьев желтых взлетающий танец». После обеда распростились с обоими попутчиками и поехали обратно вверх по той же пади. Вечер был тих и ласков, неширокие пади с волнистыми террасами склонов, с большими желтыми кустами ирисов по дну. <...>

После заката стало холодно. Долго искали воду, так и не нашли. Ночевали где-то на полугоре под лесом и камнями. Наши разожгли большой костер, но без воды все как-то было скучно. Не хотелось ни ставить палатки, ни раскладывать вещей. Ф. Ф. дразнил Лупсана, не хочет ли, мол, выпить чайку, на что Лупсан сердито ответил: «Мориней ши у» [121]. Настроенные рассказами об урянхайских ворах, наши слегка предавались панике, и даже силуэт одинокого верхового, проехавшего мимо, заставил их и в нем предполагать разбойника. А того несчастного самого, наверное, сперло при виде костра в лесу и неведомых людей.

22/IX

Встали рано. Было пасмурно и скучно. Смотались молниеносно. Ехали по очень пологому и длинному дабану. Здесь проходит телеграфная линия. Так странно видеть столбы и проволоку в этой глухомани. Свернули в широкую падь, потом к югу в еще более широкую. Видели дзеренов. Часов в 9 стали между колодцем и большим аилом в

степи в местности Улен. Пили чай. Налетели тучи. Посыпалась крупа с дождем. Поставили майхан. Ели колбасу из только что убитого барана. Вокруг все время толпа гостей. Тучи ушли, и мы двинулись дальше. Это была не особенно веселая поездка. Очень холодно, ветер, бесконечные голые дабаны и маленькие лощинки между ними. Вокруг на десятки верст ни деревца. С. все время уходил вперед. Наконец стали спускаться к озеру. Здесь опять населено. Один за другим большие аилы. Мы далеко уехали вперед и зашли погреться в одну юрту. Было приятно протянуть руки к огню, но согреться я не могла. Только когда приехали наши, расставили палатку, затопили печь, С. дал мне выпить и я обсушилась, только тогда началось наслаждение... и даже страшные новости о чуме в Урге не особенно взволновали. Луна серебрила озеро.

23/IX

Проснулась — стены палатки были ярко-розовые от света зари. Словно близкое зарево. Здорово холодно. С. встал и объявил, что t° — 19,5. Трава покрыта серебристым инеем. Озеро внизу клубилось серебристым паром. Выехали только после 2. С. ходил на озеро за солью. Я пребывала в палатке, отмечала изменения температуры. Читала. Странно в этих безлесных, голых, желтых просторах читать о пышных садах на оз. Комо [122]. День был теплее, чем накануне. Озеро бирюзовым зеркалом лежало тихо. Ехали по слабо волнующейся долине, вдоль трещины от землетрясения. Тут маленькие горки и ямы — словно игрушечные отображения гигантских сдвигов земной коры. Солнце садилось. Сзади всадников летело облако солнечной пыли. Дальние горы голубели, нежные, словно из муслина. Смеркалось. Небо, земля, горы. Все стало легким, чистым, где розовым, где сиреневым. У большого оленного камня стояли наши двуколки, уехавшие вперед. За ними, в уютном ложке, среди каменных могил, единственная юрта. Здесь остановились. Приятный отдых у печки. С. хорошо пел. Ужинали в майхане. Ярко-белый Юпитер сиял в темно-синем небе.

24/IX

Утром осматривали могильное поле. Копали и починяли могилу. Дружно тянули за веревки большой розовый камень с барельефами пышноветвистых оленьих рогов. Старик-лама, хозяин юрты, помогал. Мальчики, сыновья его (тоже все ламы), вертелись около. Когда камень водрузили на прежнее место, Антон глупо захохотал и почему-то запел «Интернационал». Потом долго ехали по желтым долинам и все время то вправо, то влево от дороги была бугристая трещина от землетрясения. На плоском дабане каменные бабы, большие насыпные могилы. Обо из больших камней в виде цилиндра, окруженного невысокой стеной. Долина, в которую перевалили, была широка. На склонах ее далекий, недоступный и такой соблазнительный лес, уже порыжевший. Прямо над дорогой большие ворота: два столба с длинной узкой перекладиной. На ней тибетская надпись. Долго спускались. Вдали узкой синей щелкой мелькнуло Ойгон-нур [123]. В сумерках стали в ямке под горой у поросшей колючим кустарником речки Барун-Карагана. Она вытекает здесь из узкого ущелья, образованного бутылочно-зелеными склонами (не знаю, мох это или растения). За дабаном аил, откуда раздавался лай собак и бой шаманского бубна. Лупсан и Ф. Ф. проспали где-то на дабане и приехали поздно, когда луна была высоко, а мы строили насчет них разные предположения.

25/IX

Встали уже после восхода. Это всегда досадно, но ведь так холодно вставать, что поневоле медлишь. Попив чаю, мы с С. и Антоном пошли к озеру. Верст 5 шли по желтой, чуть волнующейся степи. Видели стадо дзеренов. На севере горы мягкие, округлые и ярко-розовые. С. удачно сравнил их с пасхальными яйцами. Впереди озеро синим пятном выступало из-за холмов. Влезли на один из них. Озеро лежало под нами узкое, длинное, изогнувшееся полумесяцем из бирюзы, в золотой оправе степей. В степях скот. Дымок из далеких аилов. Далеко за ними, лесистой пеленой, из дымки выступает Болнай [124]. Сделав снимки, С. пошел в сторону. Мы с Антоном вернулись домой прямым путем. С. долго не возвращался, наконец пришел, и мы, пообедав, поехали по той же дороге к озеру. Набрали дров на убульджоне, потом до ночи ехали по северо-западному берегу. Здесь горы подступают вплотную к воде. Потом ехали поверху, непрерывно спускаясь и поднимаясь по бесчисленным склонам холмов. Солнце садилось как раз впереди меня, и степные травы светились изумительным золотым сиянием. Сколько их! Дэрису, ковыль, всякие злаки и другие, бесчисленные, названий которых не знаю. Все они казались точно из немыслимого золотого стекла. Каждая травинка — произведение тончайшего ювелирного искусства. (Я вспомнила, что араб Масуди назвал свое сочинение «Золотые луга»; раньше этот эпитет казался мне непонятным.) И среди этого солнечного ковра — синее око озера. Чем больше сгущались сумерки, тем оно становилось синее, темнее, принимая то зеленоватые, то стальные оттенки. Небо за ним заволокло тучами. Берега окутались мглой — едва видно, и все это: тучи, берега и вода — словно слилось. В небольшом заливе плавала стая белых птиц, кажется чаек. Они были как потускневшие жемчужины. Наши собаки черными клубками шерсти метались по отмели, обросшей сахаристым гуджиром, и бессильно старались подобраться к стае. Стемнело. В широкой хундэ мы поджидали отставших. Зажгли высокий кустистый дэрису. Потом долго ехали под луной уже по самому берегу. С. хорошо пел. Антон с Лупсаном на телегах сзади тоже играли монгольские песни. Всадники силуэтами чернели впереди. Было сравнительно очень (так. — *К. Я.*) тепло. Миновали большое озеро и около маленького, овального озера Шорбок неожиданно нашли несколько юрт и ручей с чистой водой. Обрадованно остановились. <...>

26/IX

Утром долго лежали. Дневка. Дождь. С. рассказывал о своих учебных годах. Встали. Затопили печку.

Дождь перестал, но было пасмурно. Облака закрыли вершины гор. Сильный ветер. С. до полудня уходил к озеру. Я сидела дома и читала. Когда он уходит хоть на час-два, всегда моя нежность к нему вздымается. Вернется — не нагляжусь, не налюбуюсь. Трудно удержаться от ласковых слов. Весь остальной день С., лежа на меховом одеяле, писал дневник, а я читала и поддерживала огонь домашнего очага. Мало-помалу прояснело, и часа в 4 я пошла гулять. Небо, словно омытое, было ослепительно чисто. Редкие разноцветные облака. Золотая степь. Ветер. Синие волны маленького Шорбока с шумом набегали на плоский берег, оставляя на нем белые кружева пены. Ветер отрывал от нее клочки и мчал белыми пышными клубками (словно сбитые белки). Не рассчитала дороги и вернулась через полчаса после захода солнца. С. недовольно сказал: «Приходится тебя высматривать с биноклем». Мне были приятны эти слова. Легли сравнительно поздно и долго не засыпали. Луна белым светом освещала палатку. <...>

27/IX

Выехали с утра. Солнце. В широкой пади голубые (нестерпимо голубые) озерки со стаями чаек. Свернули направо в падь Цзоргот. Под каменистой горой стадо баранов, войлочный майхан (вроде чума). Старик указал нам брод через болотистую, с кочковатыми берегами, речку. Долго ехали здесь. Горы отодвинулись далеко в сторону. Наконец падь влилась в огромную, плоскую степь. (Похоже на городскую площадь.) С юга она окаймлена отрогами Болная. Встретили женщину с лицом прерафаэлитской мадонны. Объехав две сопки, мысами вступающими в площадь, направились к западу. Пересекли телеграфную линию и тележницу и, немного поднявшись в гору, остановились под лесом в пади Шара-Цзулук. Падь сильно кочковатая. Внизу 2 аила. Ручей вырывает себе довольно глубокий каньон. В затененных местах лежат пятна снега, а вершины гор сплошь оснежены. Радость наконец-то попасть к лесу. Приятная собака Блошка, увязавшаяся от озера. С. вечером уходил на охоту, а я при печке, как умела разговаривала с полдюжиной монголов, набравшихся в палатку. С., вернувшись, сказал несколько ласковых слов насчет моей наружности.

28/IX

День чудесный. Он почти весь был проведен в лесу. С утра ходили на голец, потом фотографировали (большой табун), потом уходили на несколько часов с С. охотиться. Очарование леса невыразимо. Хвоя осыпается, и земля устлана мягким ковром цвета бананов. На нем пятна снега, как рассыпанный сахар. Эта игра золотистого света, эти потемневшие стволы и на небесной синеве — золото ветвей, слегка поблекшее, но такое нежное. Мы тихо ходили по лесу и по опушке. <...> Смотрели с гребня на далекие горы. Среди них кусочек Тельмин-нора, словно бирюза в колечке. Один раз спустились в прелестную узкую падь. Крутые склоны, один обнаженный, другой облесенный. Внизу, на поляне, почти окруженной лесом, 2—3 юрты. Оттуда доносился бой барабана и громкое молитвенное пение. Очень хороши были сумерки с розовыми облаками в просветах деревьев. Табун пасся в лесу и на крутых полянах. Как хороши лошади на воле. Какие умные глаза, свободные движения. Какая независимость. <...>

29/IX

Этот день моих именин был весьма богат событиями. <...> С. сделал мне своеобразный подарок. Потом уютно пили чай. Затем начались события. С. бранил Суетина за всякие проступки, а Суетин в майхане ругался с Антоном. Потом мы пошли в аил, где С. сыграл 2 партии в шахматы с уродливым ламой. Юрта большая. Две молодые женщины, ребятишки, ламы. Набралось много зрителей. Они сосредоточенно следили за игрой. Курили свои длинные трубки, изредка давали советы. Противник С. играл, все время перебирая четки, и шептал что-то. Вернувшись, обедали. Приехали с гольца Ф. Б. и Люндун. Решили кочевать. Быстро уложились, а мы с С. ушли вперед. К сожалению, бедную Блошку пришлось оставить, т. к. накануне лошадь ударила ее ногой. Ехали старой дорогой. Солнце только что село, и С. начал какую-то фразу, обращаясь к Суетину, как вдруг я прервала их криком: вдали по степи неслись наши двуколки и верховые кони — без седоков и возниц. В другом месте виднелся клуб пыли, и в нем 2 дерущиеся фигуры, из которых одна — Ф. Б. — насела на другую — Антона. С. побежал туда, и драка прекратилась. Ф. Б. уехал, а Антон было встал и пошел, но вдруг повалился снопом и начал биться. Я к нему со всех ног. Прибежала, он вертится во все стороны, рот в крови, рыдает. Ужасно. Послали за водой. Я долго сидела около него, и он постепенно успокоился. Луна, огромная, желтая, как дыня, всходила из-за горы. Когда мы наконец тронулись, она была уже высоко, белая и маленькая. Очень долго шли мы по этой степи. Было холодно и шли быстро. Не решились остановиться у грязного, затоптанного ключа и пошли дальше, разыскивать юрты под лесом по Цоргону [125]. Это было трудно. Заходили в какую-то падь, где скалы навалились на травянистый склон и при луне приняли вид страшных чудовищ. Красный Марс — как костер над горизонтом. Еще много звезд, и главное — луна, просто затопившая светом и степь и горы. Наконец Люндун обнаружил юрты в глубине пади Байшинтэ-ама. Туда мы и поднялись и на полугоре стали. Место при луне очень красивое. Скалы, лес, внизу кустистый ручей. Именины закончили ананасами и лимонной настойкой.

30/IX

Встали поздно и полдня провели в палатке и около. Не очень яркое солнце. Вид из палатки изумительный. Внизу, под крутым склоном, среди песчаных наносов — юрты. За ними степь, потом чудесная даль с невысокими горными цепями, нежнейших, неопределенных оттенков. Среди них, как кусочки неба среди облаков, голубые полоски Ойгон-нура и других мелких озерков, окружающих его. За палаткой крутые стены, поросшие рыжим лесом. Внизу ручей, шумно бегущий среди облетевших кустов. Тяжелый разговор с Ф. Б. С. был,

м[ожет] б[ыть], слишком строг, но говорил хорошо. Смотались часа в 2. Нас усиленно приглашали зайти к аймачному дарге [126]. Пришлось пойти. Здесь не управление, а его частная юрта, куда он приехал отдохнуть и полечиться. Перед юртами коновязь из веревок с табуном лошадей, взметнувшихся при нашем приближении. Юрта большая, богатая. Большой шкафчик с бурханами, перед которыми курительные свечи, жертвы, балины [127], разные кушанья. Шло моление. Четверо лам сидели по правую сторону от алтаря (по левую от входа). Перед ними столики. У главного на столике хонхо [128], дамару [129] и проч. У остальных только большие чашки с кумысом. Маленький лама непрестанно бил в хенгерик [130]. Взрослые оглушительно пели. Сам дарга пожилой, рябой, очень любезный человек в темно-красном халате. Жена его тоже немолодая. Худая монголка с европейским лицом. Головной убор ее состоял преимущественно из коралловых цепочек, что делало его гибким и легким (в противоположность кованому целиком убору вост[очных] халхасок), маленькие рога совершенно откинуты назад. Нас угощали кумысом из больших деревянных чашек и арикой [131] из золоченого русского молочника. Дарга показывал С. географический атлас. Женщина положила на колени одному ламе годовалого ребеночка. Черненький, в синей рубашечке, он был удивительно смешон и мил. Лама пел, гудел в раковину и в то же время ласкал ребенка и поил его кумысом.

Поехали вниз, к озерной котловине. За нами провожатый, веселый мальчишка Тудуп. Сняли каменную бабу. Ехали мимо старых, обросших землей и травой барханов. Закат был, как дымный костер, пламя солнца окутано лиловыми облаками. Смеркалось. С. был почему-то удивительно ласков со мною. <...> Луна вставала за тучами, мрачная, желтая, затуманенная. Путались по степи в поисках воды. Наконец нашли ключи около озерка Цайдам, вблизи 2 аилов. Как всегда, радостный отдых у печки.

1/X

Утро провели на озере. С. стрелял уток, я сидела на бугорке. Озеро маленькое, ярко-голубое, как эмалевое, с извилистыми берегами, островками холмиками, вдающимися в озерко полуостровами. 2 лебедя. Выехали в 1 час. По длиннейшему тенигусу поднялись на дабан, опустились в огромную площадь с речкой Могой. На востоке были прекрасные большие, покрытые бронзовым лесом горы. Хотелось туда. Опять дабан, с него спуск в падь Цаган-Усу. Здесь красно-коричневые холмы, кочки, направо прелестная падь с рощами, крутой скалой и 2 керексурами. Оттуда по боковому дабану перевалили в Цаган-бурга [132] — опять обширнейшая площадь; вдали по речке урёма и белый ивняк; переезжали многие сухие русла с галькой и песком. Началась торная дорога; по ней медленно поднимались. Вправо лесистая падь. Влево степь, уже сумеречная. За ней над горами закат в нежно-лиловых и абрикосовых облаках. Далеко, в просвете урёмы, Тес. Горы за ним горят дивным, красно-лиловым пламенем. Взяв дрова, спустились с дороги в степь, к аилу. Зашли в большую юрту. Там весело горел огонь. Старый лама и девочка объяснили, как найти воду. Искали ее довольно долго, наконец нашли. Ярко-оранжевая луна вылезла из-за черной горы. Мы стали в степи у кочковатого ключика.

2/X

Солнечное утро. Пока складывались, я пошла в степь. Там вблизи болотца ходила чудная птичка: с желтой пестренькой спинкой, на высоких тонких ножках. Она совершенно не боялась меня. Похаживала около. Было жаль ее, но «долг» превозмог. Я кивнула С., он пришел и убил ее. Ехали по чудесным местам. Перевалили длинный дабан, где встретили 2 верховых на верблюдах. Увидели внизу Тес, голубой в темно-рыжей урёме. Потом ехали вверх, много раз переваливая через боковые распадки. Последний дабан с лесом справа и скалами слева был очень красив. Впереди широкая долина. Крошечный, едва видный Дурекчиван; лиственницы круто сбегают вниз к реке. Потом ехали уже по берегу. Хорошо ехать по долине, когда от облака падает широкая тень, а впереди все залито солнцем. Тогда кажется, что едешь в какую-то радостную, призрачную страну. Справа все шли лесистые, привлекательные пади, с юртами, притулившимися в ложках, со стадами баранов по склонам.

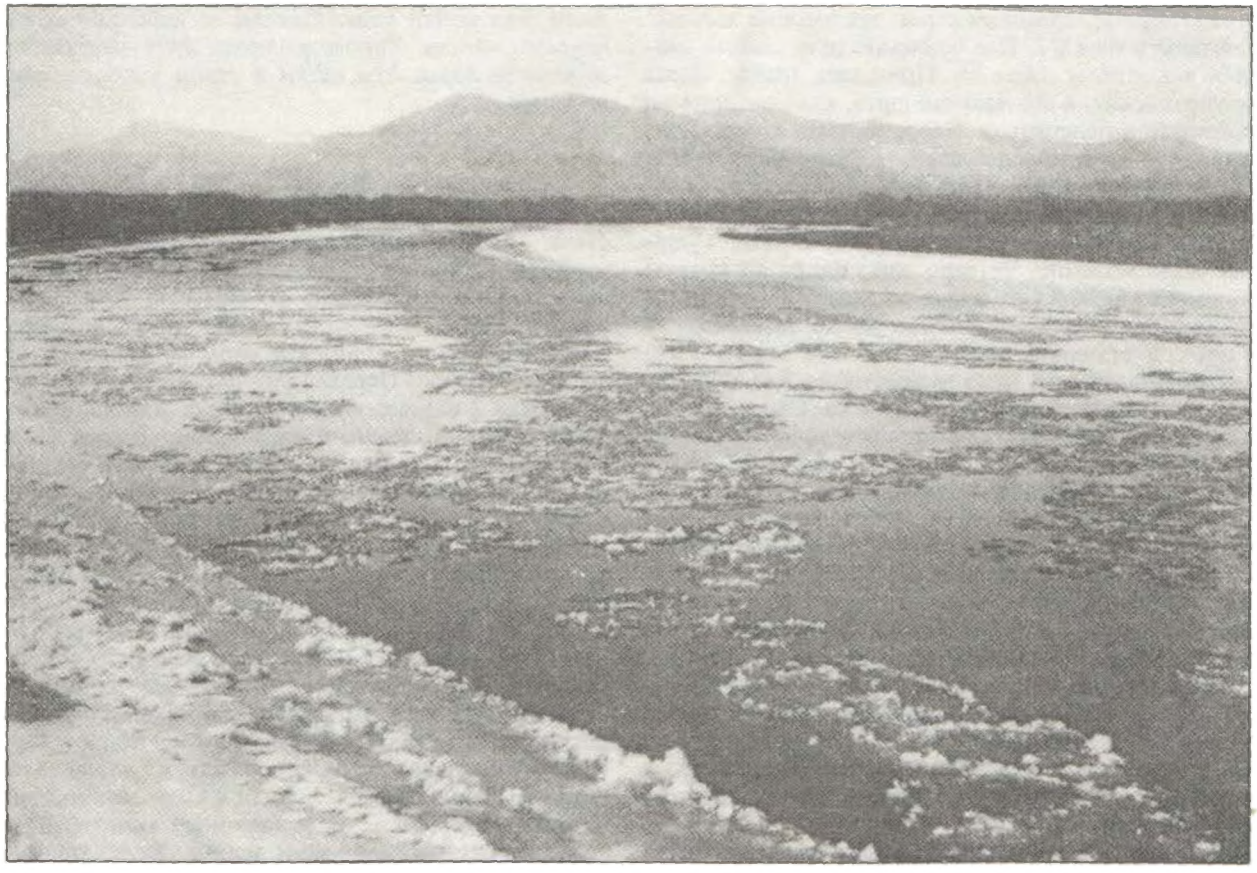
Приехали часа в 2. Стали в том же хашане. Радостная встреча с Васей. Ходили с С. на мет[ео]станцию. Возвращались, когда лимонная заря тлела над остро изогнутыми крышами храмов. Вечер провели за чтением скучных журналов. <...>

3/X

Я весь день провела у палатки. С. уходил и возвращался. Было очень тепло и как-то приятно сидеть у «своего порога», покуривая трубочку. Приходил лама Палах, играть с С. в шахматы в юрте. Палах — веселый старик в круглых очках без оправы, величиной с блюдечко. Во время игры он беспрестанно перебирал свои красивые четки, шутил и переговаривался с набравшимися вокруг монголами. Вечером ходили в Стормонг ужинать. Ночь была холодная, с желтой луной. Где-то громко бил шаманский бубен.

4/X

Утром ходили с С. и Люндуном делать съемку в монастыре. В Чойрин-дацане [133] шел диспут, и оттуда слышался громкий гул голосов и мерное хлопанье в ладоши. Ходили по узким уличкам. В одном из хашанов видела белую келью в тибетском стиле: скошенные стены, плоская крыша, высокое окно. Лама спиной ко мне сидел на корточках и работал над дверью около своей юрты. Когда вернулись к центру, из Чойрина вышла огромная толпа лам. Все они были в желтых цанидских [134] мантиях, мелко заплиссированных до половины, с зубчатой отделкой вокруг плеч. Эти мантии они обычно накидывают на голову, а шапку (похожую на гол[овной] убор древнеримских легионеров) с гребнем из желтой шерсти несут под мышкой. Толпа расщеплялась и медленно желтыми ручьями растекалась по улицам. С. пошел на мет[ео]станцию. Мы вернулись домой. После обеда приятная баня. <...>



5/X

Утро провела за укладкой. Ходили обедать к фельдшеру на мет[ео]станцию. Он — длинный, тощий, сухой хохол, она сибирячка немного бурятского типа. Чистенькая комната с цветами на окнах и русская печка. Ребенок. Жареная дрофа с «мóгами» (степными грибами), кисель. Разговор о собольих охотниках в Сибири. Выехали часа в 2 вчетвером на чухломинском ходке и нашей тройке. День был ветреный и слегка облачный. Сначала поднимались по старой улясутайской дороге, потом свернули вправо, в лесистые пади. Длиннейший дабан, узкий, с крутыми склонами справа и лесом слева. Приятно идти по лесу. Он потемнел, наполовину осыпался. Осень. Наверху плоскогорье, тоже с рощами. За ним внизу видно озеро. Прелестное, оно широкой подковой пролилось между горами, наполовину облесенными, наполовину степными. С. и Вася еще с перевала ушли охотиться. Мы с Суетиным спустились, объехали западный край озера и стали на узкой полоске между водой и лесом. Здесь пятна снега в теневых местах. Из них мы стали варить чай. Пришел Вася, сильно рассерженный на нашу винтовку. Отсветы заката розовым пламенем цвели на горах. Впереди восток был нежен и чист. Стемнело. Звезды, тихая вода, звон колокольчика на Гнедке. Подошел С. Долго сидели у костра. <...> Легли спать не раздеваясь.

6/X

Встали до восхода. С. и Вася собрались на охоту. Я пребывала у костра. Озеро было неописуемо. Какие-то бархатно-черные, серебряные, зеленоватые полосы. Поверх клубится легкий туман. За горами желтая заря и над нею крошечное, тоненькое облачко, словно банановая стружка (оно было последнее, весь остальной день был абсолютно безоблачный). Происшествие с отвалившимся носиком у чайника. Подошли охотники. Пообедали. Потом втроем мы пошли вокруг озера, вернувшись только к ночи. Прогулка эта была бы совершенным наслаждением, если бы не приходилось идти более быстро, чем это для меня приятно, но и так наслаждение было большое. Мы пошли по часовой стрелке, начав с сев[еро]-вост[очной части] залива. С. впереди, мы с Васей сзади, болтая. Сначала обширная степь, берег каменистый. К нему сползают слегка облесенные пади. Два полуострова мы не стали обходить по берегу, а перевалили прямо по дабану мимо леса. Взошли на вершину и оттуда фотографировали. Вид там изумительный. Эренцен-Чжугнай самое красивое из виденных мною озер, исключая Хара-нура (но то меньше). Многими заливами пролилось оно между горами; полуострова, выступы, яры, покрытые темно-рыжим лесом. На вост[очном] конце еще 2 маленьких озерка; по краям котловины снежные, лесистые горы. Спустились, прошли по нешироκой, щебнистой косе между большим и маленьким озерами. Прошли по прибрежной роще, затем опять огромная степь. С юга ее окаймляют крутые, снежные, поросшие лесом сивера [135]. От них к озеру вьются ключи; около одного из них мы отдыхали и пили ключевую воду с шоколадом. Пошли опять. Солнце зашло за сиверами, а [на] вост[оке] небо стало совсем розовым и таким же розовым озеро. Между небом и водой густо-синие горы — словно трехцветная пастила. А горы вокруг залива серо-зеленые, серо-желтые, в тихой воде отражаются поч-

ти без изменений. Обогнули юго-вост[очную часть] залива. Стали подниматься на гриву полуострова по кочкам (что в сумерках не особенно приятно). Но вот и перевал с дорогой. Сзади темно-оранжевая заря над лесом, впереди звездное небо и внизу светлая чаша озера. Лес справа густ и темен. Спустились — опять кочки. Я прошла поближе к берегу и тут изумительное, фантастическое зрелище — костер. Он освещал лес кирпичным светом, и это было как чашечка гигантского рдеющего цветка, а в центре ослепительно яркая точка — огонь. <...> Костер казался таинственным, хотя я знала, что разжег его наш Суетин. Подошли. Ноги устали. Костер огромный. Чай без числа, трубка, мясо, ленивые разговоры, звезды, постель.

7/X

Я встала до рассвета и пошла вдоль полуострова. По воде полз туман. За горами персиковая заря. Быстро светлело. Когда я дошла до конца, солнце встало и лес на крутом мысу горел рыжим пламенем. По россыпи из серо-желтых камней, покрытых оранжевыми лишаями, я поднялась на пригорок. Растаявший иней сверкал ослепительно (некоторые капли как звезды), а на красных листочках горел рубинами. Возвращалась лесом. Нигде я не видела столько валежника: полусгнившие колоды то врастают в землю, покрытые мхом, то наваливаются друг на друга огромными кучами. На земле густой светло-желтый ковер свежеосыпавшейся хвои. Кое-где снег. У костра все уже встали. Пили чай. Потом С. ушел охотиться, а мы сложились и уехали. С дабана в последний раз я видела прелестное озеро, голубое, опять пустынное. Даже дымок нашего костра постепенно рассеялся. Приятно было идти вниз по перевалу. Справа солнечный лес, слева крутой склон. Камни. В Дурекчиване приятная встреча с А. Д., а потом и с Чухломиным. <...> Когда стемнело, пошли смотреть шамана. Это молодой человек из местного начальства. Нас провели в байшин. Это маленькая комната. Помост для постели. Шкафчики. На задней стене полка с бурханами. В другом отделении тоже полка с множеством хадаков[136], двумя бишхурами[137], жертвами[138]. Женщина надела на шамана костюм: халат, до половины металлическая кольчуга. От нее, а также с плеч свисали длинные полосы красной и черной ткани. Много бубенцов. На плечах султаны из шерсти (я думала сначала, что это перья), на шапке, тоже увешанной длинными полосами, такой же султан. Шаман, стоя спиной к нам, а лицом к бурханам, играл на своей маленькой гайдане; потом взял бубен и, стоя на коленях, бил в него, сначала медленно, потом скорее, при этом все сильнее тряс плечами, подергиваясь всем телом. Иногда заунывно пел. Несколько раз вскакивал на ноги, снова падал, несколько раз кружился, перегибаясь назад, так что султан на шапке почти касался пола. Женщина поправляла его одежду. Постепенно замедляя темп своих движений, он встал и заиграл на гайдане. Этим сеанс и закончился. Женщина сняла с него костюм. Отерла ему лицо, накинула на него шубу, и вот он уже опять человек; смеется, разговаривает. Вернувшись, тотчас легли. Наши, видевшие других шаманов, мало увлеклись этим, но на меня подействовало.

8/X

День прошел однообразно, но быстро. С. надолго уходил играть в шахматы с Палахом. В это время я помылась в невыносимо жаркой бане. Чухломин, чистый, как новый самовар, пришел со мной поболтать. Вечером собрались в палатке 4: С., А. Д., Чухл. и я. Выпили. Чухл. с пьяным смехом рассказывал о своих отношениях к родителям. Я лежала и наслаждалась. <...>

9/X

Я весь день перекладывала вещи, чинила. С. писал дневник, а потом уехал искать камень. Вечером втроем засиделись до 11 и без водки отлично разговаривали. Прочие, как потом оказалось, покоряли местных дам.

10/X

Сравнительно рано выехали. Приятно: последние сборы, лошади во дворе, прощание с жителями. Набралась толпа более или менее молодых монголок прощаться с нашими. Лупсану одна держала повод, другая чуть ли не стремя. Он имел вид спокойного удовлетворения и скромного достоинства. Точь-в-точь армеец после недолгого, но богатого воспоминаниями постоя. Дорога однообразная. Она идет вверх по правому берегу Теса, все больше и больше удаляясь от реки, и незаметно переходит на склоны. Тут мелкие дабаны идут один за другим. Только одно очень длинное плато, за которым кое-где (прямо на плоскости) небольшие рощи. Единственная радость перед закатом, когда горы стали принимать все оттенки лилового. Стали в ямке между крутыми склонами речки Чжиргаланту, среди мелких кустарников. Вечер провели втроем.

11/X

Встали поздновато. <...> День грозил быть холодным. Пасмурно. Ветер. Меня заставили надеть шубу. Дорога опять с дабана на дабан. Степь голая, только вдали синеют большие лесистые горы. Они были так соблазнительны, что в одном месте С. и А. Д. пошли на гребень смотреть, нельзя ли свернуть туда. Мы стояли под склоном, с которого сбегала речка. Под ней 2 юрты. Васька боролся с монголами. От спички сухая трава загорелась так, что ее еле потушили. Проехал автомобиль с хорошенькой «парочкой» и полдюжиной китайцев и лам. Поехали по дороге, но с дабана открылся хороший вид; лесистые склоны приблизились. Мелькнуло в котловине синее Туцзе-Муль. За ним степь, но холмы покрыты темно-рыжими пятнами леса. Здесь, у ключа Мустэ-Булак, мы и стали у опушки. Было холодно. Быстро разожгли костер. Ужинали втроем в палатке. Потом я вышла. Звезды над лесом; огромные бревна костра горят ярким пламенем. Хорошо. Колокольчики коней тонко и нежно позванивают вдали. <...>

12/X

С. встал еще не было 5 и ушел на охоту. Я тоже скоро встала. Было очень холодно. Солнце еще не всходило. Утро провела у костра; разговаривала,

покуривая, глядела, как постепенно светлели лес и долины, как подтаивал ледок на речке и она текла синяя-синяя. Охотники постепенно вернулись, ничего (так. — *К. Я.*) не убив. Мы трое пошли вперед. Шли вверх по пади, вдоль лесистых распадков, сбегающих почти до дороги. Солнце, желтизна хвои. А. Д. вскоре отстал (в шубе тяжело), а мы с С. пошли дальше и только вблизи перевала, где во впадине синеет озерко, сели у огня. Было тихо, золотисто вокруг. <...> Подъехали остальные. С перевала открылся красивый вид на две большие горы с крутыми склонами — Бага-Хайрхан и Ихэ-Хайрхан. Спустились, на полугоре свернули влево, и там неожиданно открылся Чжалханцы-хуре [139], со своими красными крышами, золотыми ганчжирами и белыми субурганами. Стоит хорошо. Напротив, за рекой, большие сивера, теперь уже не рыжие, кофейные (подробности о курене в зап[исной] книжке). Мы заехали в Стормонг, помещающийся во дворе, очевидно, принадлежавшем раньше китайской фирме. Там любезные служащие угощали нас в теплой комнате чаем со свежим хлебом и вареньем. В лавке: чайники, консервы, сахар (?) духи (!) и привлекшие меня куски парчи. Ходили с С. фотографировать в монастырь. В 3-м часу выехали. Сразу поднялись на порядочный перевал; спустившись, ехали вдоль левого склона. Опять очень длинный перевал. Я шла пешком и ушла вперед. Сверху открылся совсем особенный ландшафт. Бага-Хайрхан мы объехали справа, но крутая стройная Ихэ-Хайрхан высилась впереди, огненно-рыжая в лучах заката. Под нею цепи и гряды холмов. Серо-зелеными волнами они расплескались вокруг застывшим морем. Темные впадины ущелий (одно из них, извилистое и длинное, мы объехали, оно было под перевалом) и дальше горы без конца — розовые, лиловые, фиолетовые, кое-где (очень мало) пятна шоколадного леса. Быстро надвинулись сумерки. Горы темнели. Мы спустились к Баян-Голу [140] и стали в ямке против ущелья со скалистыми стенами. Вечером долго разговаривали. Орион.

13/X

Выехали не рано. Чинили ходок. С. стрелял куропаток в ущелье. Ехали все вниз по Баян-Голу. Места своеобразные. Долина под Ихэ-Хайрханом, внезапно поворотив налево, сужается, крутые каменистые склоны образуют глухое, извилистое ущелье. По дну дерису, желтые пучки ирисовой травы. По руслу реденькие кусты ивняка. Постепенно ущелье расширяется, вырастает в долину, все более и более просторную. Здесь частые юрты, большие стада. На правом склоне кое-где лес. Дорога отворачивает направо к перевалу Хухэ-Кётль. По длинному пологому тенигусу поднялись мы на него и тут — нежданная радость, восхитительный вид на долину Тельгер-Мурина [141]. Синий, окаймленный, как белым кружевом, тополевой урёмой, он вьется по долине. Горы высокие, крутые, скалистые. Спуск с дабана трудный: дорога идет по правому склону, круто спускаясь вниз, огибает извивом выходы породы в некоторых местах. Слева почти отвесные стены глубокого рва. Правда, поросшего лиственницами. Справа крутой склон. Здесь тоже лесок. Спустившись, приходится опять подняться на второй дабанчик, т. к. долину в этом месте перегораживает далеко выдавшийся вперед отрог. Мы попали в хороший час. Косые лучи солнца чудно освещали горы, контуры скал резко выделялись на бархатно-синих тенях впадин. Я шла пешком, одна, и наслаждалась полностью. Вечер был «из красного дерева» [142]. Солнце садилось, и дальние горы впереди на востоке и впрямь приняли цвет красного дерева. Снизу медленно ползла к вершинам большая фиолетовая тень. Ближние скалы горели зеленым пламенем. Вечер, как всегда, втроем в палатке. Вкусное мясо, смешные тополевые совсем белые дрова. Долгие разговоры. С. с утра собрался на охоту. Поэтому легли не раздеваясь. Земля устлана шуршащими листьями. Юпитер.

14/X

С. встал рано и пошел на охоту. Я тоже встала. Сидела у огня, ожидая восхода и слушая рассказы Чухломина о его контрабандных похождениях. Прибрел молодой паломник, идущий из-под Кобдо пешком в Мурин [143] к своему бакши [144]. Он тащит за плечами свои одежды и священные книги. Дорога очень скоро отвернула в чудесную падь Агит, по которой мы и поднимались к перевалу. Тут леса не только заполонили сивера, но набегали и на долину рощами, и даже на солнечном склоне, усыпанном камнями, было много деревьев. Сивера же просто очаровательны: уютные распадки, обрывистые, но облесенные склоны, ключи. Сухие русла с красным песком. Я шла вперед одна и наслаждалась. В долине Цзагзы [145] — старинный вал, курень, молотьба ячменя. Для стоянки отвернули по кочкам к реке и, переехав проток, стали на большом лугу, где кусты ивняка и тополя разбросаны, как в английском парке. Из огромного поваливщегося тополя зажгли большой костер. Вечер как всегда.

15/X

Выехали поздно. Брод. Потом долгая дорога по степному левому берегу. (А на правом прекрасные большие лесистые горы, золотисто-шоколадные.) Заехали на животноводческую заимку; поговорили со служащими. В Мурин приехали часа в 2. Монастырь с красивыми бело-красными храмами стоит в степи. Невдалеке русский поселок. А. Д. и С. пошли туда, а мы по кочкам и через протоки добрались до хорошего места: луг, ивняк. Палатку поставили прямо у корней старой ивы. С тонкими, острыми, подсохшими листочками. Сидела одна, читая magazine и с восторгом поедая отличный шашлык. Пришли наши, принесли консервы и печенье... Приятное известие, что можно на машине ехать в Хатхыл.

16/X

Уложились, приехала машина, забравшая нас в город. Тут довольно долго канителились, пили чай в русском доме, ходили на почту: юрта с русскими кроватями, швейной машинкой, посудой и проч. В ней столик, за которым сидит почтовый чиновник монгол, с ним рядом смазливая дамочка с котом на коленях. Выехали около полудня. Сначала дорога очень однообразна. Степь, перевалы, все желто

и голо. Чудно мчались по хорошему пути. Эрхиль-Нур — типичное степное гуджиристое [146] озеро. Дальше, начиная с Эгин-Гола [147], пошло красивее: большие леса, горы выше, река течет под скалами, иногда проходит сквозь ущелье. На левой крутой террасе, под лесистым склоном, хорошенький монастырек. Хатхэлын [148] (или Хараулын) дугун. Дорога спускалась все ниже к реке, а эта вдруг разлилась плёсом, все расширялась — оказывается, это южный залив Косогола. По обоим его берегам разбросаны русские дома. Мы въехали в ворота Стормонга, гостеприимно раскрывшиеся перед нами. Зав[едующий], чернобородый пожилой человек с мягкими глазами, отлично нас принял, повел в крепкий новый дом, где он живет с сынишкой Кешей. Угощал чаем с вареньем, маслом и великолепным хлебом (произведение Агафьи, с которой я тоже хорошо разговорилась). Набрались местные люди — кто за почтой, кто за женой (приехали вместе с нами). Несмотря на мои протесты, спали в доме.

17/X

Встали до солнца. Очень холодное утро. Желтая заря над озером. После чая пошли на мет[ео]станцию. С. говорил в доме с растерянным метеорологом (термометр украли, жена уезжает), а мы с А. Д. сидели на пороге, поменявшись трубками, курили и говорили о Париже, глядя на синюю гладь Косогола. Вернувшись в дом, я выудила из шкафа пачку нестарых иркутских газет, которые все мы и читали потом с ожесточением. (Давно не читали газет.) Поехали на лодке по заливу. Вода косогольская неописуемого цвета: это что-то синее, зеленое, немыслимо прозрачное, какого-то глубокого и чистого тона. Лесистые крутые бронзовые мысы врезаются в эту лазурь. Они очень красивы, но загораживают горизонт и так тянутся к тому небольшому кусочку далеко на севере, где не видно берегов — только сапфировые воды и небо. Пристали к вост[очному] мысу. Походили по лесу, заваленному буреломом. Потом переехали на зап[адный] берег, где и пристали для завтрака. Но мускат и мясо, так же как и тихий вечер с шоколадным отражением лесов в озере, прорезанном розово-сиреневыми щелями света, был испорчен идиотской сценой со стороны Ф. Б. Мы с С. скоро ушли, оставив А. Д. в роли сиделки. Дома вечер провели так же, но настроение было испорчено. В моменты неприятные особенно чувствуешь дружескую близость с С.

18/X

Выехали с утра. Обратная поездка была менее приятна, и я с удовольствием вылезла из машины в Мурине. Здесь мы с С. ходили фотографировать монастырь. Он мало чем отличается от Дурекчи-вана (см. зап[исную] книжку). Затем ждали свои ходки во дворе Стормонга (китайский байшин) и обсуждали дальнейшие планы. Я с удовольствием вернулась в свой лагерь: тут речные протоки, ивы на лугу. Вечером ходили смотреть, как русские ловят рыбу большим неводом. Закат пылал за кустарниками, как расплавленный металл. Вечер втроем. Расчеты с Люндуном. Решение отправить Ф. Б. отдельно.

19/X

Большая укладка. Наконец выехали. Долго стояли в городе. Наши уходили по делам. Пили чай в юрте зава: кровати, туалетн[ый] столик, белоснежные салфеточки, тюлевые занавески. Я просто не знала куда деваться со своими рваными штанами и неотмытыми пальцами. Трогательное прощание с Люндуном, одарившим всех папиросами, а нас с С. даже и хадаками. Лупсан со слезами держал к нему речь о том, какие мы все замечательные люди. Наконец выехали. Я верхом на отличном Карьке. Вскоре меня догнал А. Д., поехали вместе. Дорога однообразная. Степь, перевалы, опять степь. Если бы не разговор и не то, что еду в седле, так тоска бы взяла. На закате стали у ключика на склоне небольшого, слегка облесенного перевала. Вечером втроем поговорили.

20/X

Опять ехала верхом. Дорога все невеселая. С перевала видна слегка облесенная по сиверам падь. Небольшое синее озерко Ачмок в котловине; узкое, невысокое, изогнутое ущелье. Дабан, опять степь. В ней подъехали к майхану бычьих караванщиков, которые сообщили неприятное сведение, что вода только через 2 уртона [149]. Тем не менее решили ехать. А. Д. сел на ходок. Я поехала верхом. Дабан и широчайшая степь. Вначале у перевала, кое-где на горках лесок. Под ним высоко юрты. Дальше широко, голо. Вдали стада, юрты. Мне показалось, что мы бесконечно ехали по этой степи. Наконец уже после заката стали у речки. Вначале это было сухое русло, но когда мы подъехали, вода внезапно потекла нам навстречу. <...>

21/X

Ехали верхом с А. Д. Едва помню дорогу. Она необычайно однообразна. Степь, перевалы, потом опять то же самое. Вокруг желтые голые камни. Наконец, уже под вечер, дорога свернула на юг. В неширокую падь. Далеко в ее устье стояли большие, синие хребты. Под ними виднеется за ближними горками селенгинская урёма. Далекие горы являли все переходы дымчато-синих тонов. О чем мы только не поговорили с А. Д. за эти дни. С перевала хороший вид на восток. Здесь Селенга изогнулась к северу. Правый берег ее вплотную подошел к скалам, левый разлился широкой долиной. По ней тополя как парк (деревья стоят в одиночку на расстоянии 2—3 сажен друг от друга). Среди них юрты, стада, словно узорный ситец. Впечатление пестроты усиливали горы, покрытые мелкими, частыми кустиками. Стали у большого протока. На другом берегу его ивовая роща. Густая, рыжая чаща тальника. Я плохо себя чувствовала. Вечер прошел хуже обычного. Половина луны светила.

22/X

Утром С. рано ушел на охоту. Я долго лежала не засыпая. Оказалось, что молочная мга затянула все окрестности. Ближние тополя, как скелеты, раздирали паутину тумана своими искривленными пальцами. Дальние горы исчезли. Вместо ближних — какие-то плоские, словно бумажные, светло-синие

экраны с мутно очерченными контурами. Последующую дорогу не хочется вспоминать: мга, вокруг видно не больше чем на несколько сот шагов; холодно, жестокая пыль, еле различаешь призрачные силуэты гор, сухие русла с помертвелыми тополями, небольшие перевалы, тоскливые пади. В одной из них мы стали уже в сумерках. Хорошо говорили. Днем солнце один раз выглянуло, как красная лампа.

23/X

Утром слегка посыпал снег, но скоро прошел. Мы с С. прошли пешком вперед верст 6 по небольшим дабанам. Потом сели в ходок. Мга, пыль, холодно, ветер. Бесконечная степь. Постепенно мга рассеивалась и розоватые горы раскутывались. Едва наши завидели сивера с березнячком, как решили тут же заночевать.

Было еще рано. Совсем разъяснило. Стали у опушки в хорошем месте. Мне хотелось пойти в лес, но жар и головная боль помешали. Вечер прошел вяло. Читала им рассказ из magazine, который они осмеяли. С., узнав о моем нездоровье, был трогательно нежен.

24/X

Радость от ясного утра и нежности С. Я решила ехать верхом. Было очень приятно. Прямо с перевала попали в большую падь Улангома с прекрасными густыми сиверами. Словно шоколадный бархат, осыпанный золотой пылью и слегка расщитый серебром берез. Ехали легкой рысью вниз. С. такой красивый и молодой. С густыми, черыми волосами, выбивающимися из-под кротовой шапки. Далеко влево мелькнул синий кусочек Айхан-Нура [150]. Отвернули на юг в падь Тель. Узкая, с пышными крутыми сиверами, она была так хороша, что, хотя мы проехали всего 25 в[ерст], наши решили здесь стать. Палатки поставили на лиственничном острове, окруженном кочковатой почвой дна долины. Трое сейчас же ушли охотиться. Я долго писала дневник в майхане. На горах слышались выстрелы. Еще не сгустились сумерки, как вернулся С. Уже по этому раннему приходу я догадалась, что он что-то убил. Действительно — козу. В хорошем настроении он у майхана пил чай, рассказывая Чухломину подробности охоты. Потом в палатке рассказывал мне, как он убил своих первых коз. Подошел А. Д. Разговоры. По случаю козы выпили все, но мало и сидели недолго. <...>

25/X

Выехали А. Д. и я верхом. Очень скоро лес кончился, и перед падью открылась широкая долина Селенги. Тут вроде города. Много юрт, стада, поля, люди. Дорога пошла к востоку, вниз по долине. Только раз она подошла близко к реке, когда река изогнулась под утесами. Ехали долго. А. Д. пересел на ходок. Потом длинный дабан, спуск с него красивый, усеянный рощами. Сверху открывается новый участок долины Селенги. Здесь полей не видно (они дальше), стоят тополя, а вдали крутые, плоские террасы. Съехали к реке, докричались перевозчиков. Лошадей погнали вплавь, телеги и людей в 2 приема переправили на ботах. Дул сильнейший ветер, так что в палатке (поставленной тут же на берегу) нельзя было затопить печку. <...>

26/X

Пожалела растершегося Карьку и верхом не поехала. Пока остальные слаживались, мы с С. пошли вперед. Нас нагнал лама, продававший ячмень возчикам. (У него очень красивые черные глаза.) Он предложил мне сесть на его кобылу. Так мы ехали верст 5 и вели разговор о русских и монгольских монастырях. У аила стали, чтобы купить еще ячменя. Нагрузившись, свернули в падь Тулбур. Узкая, красивая, лесистая, тем не менее густо населена. Поля, стога и даже довольно основательные деревянные строения. Встретили 2 лам, из которых один сидел на запряженной по-русски двуколке. Падь расширилась. Кустистая урёма по речке. Здесь С. и Вася оживленно охотились на куропаток. Встречная чета монголов сообщила, что есть более краткий путь. Вернувшись назад, переехали замерзший брод, потом стали медленно подниматься на длиннейший дабан. Солнце уже зашло, и дальние южные горы были как громадные аметисты, прозрачные и фиолетовые. Луна стояла на розовом небе бледная, как антоновское яблоко. Было очень холодно. Мы быстро шли пешком вверх. Дабан очень красив. То круто ползет вверх, то переходит в плоские куски и легкие спуски, потом снова подъем. Рощи лиственниц, густые березнички со спутавшимися ветвями, островки пепельноствольных осин. Наверху сумерки уже совсем сгустились. Из двух дорог мы выбрали левую. Длинный, разнообразный спуск; в просвете деревьев силуэты больших гор; луна, теперь уже яркая, чаща, окаймляющая глубоко промытую дорогуров. Мы с Васей едва поспевали за быстро шагавшим С. Возы медленно ползли сзади. Внизу долго искали подходящего места для стоянки. Речка, опушенная кустарниковой урёмой, течет под утесами. Стали около старых загонов. Был уже сильный мороз и казалось, что он шел от луны. Слегка погревшись в майхане, перешли в палатку. <...>

27/X

Выехали поздно. Суетин долго ездил спрашивать о дороге. С. и Вася ходили по куропаткам, а мы с А. Д. провели утро за длинными нашими разнотемными разговорами. Решили ехать вниз по Харагане, но дорога уже через 5 верст отвернула в падь Алтат, по которой мы ехали до позднего вечера. Места чудесные. Падь узкая, извилистая и очень лесистая. Характерны для нее большие, плоские крутосклонные террасы. Аилов порядочно. Полузамерзшая речка, где лед шумно трескается. Маленький Орлут-дугун [151], с единственным храмом, 3 запасными кельями-сарайчиками; хашан с байшином. Юрта сторожа. Часто останавливались для охоты за тетеревами. Из 11 С. убил 6 и был очень доволен. Красивые эти птицы, с алыми бровями и хвостомлирой, очень глупы. Они сидят на дереве и, если одна падает, остальные не беспокоятся. Ехали в темноте, подвигаясь к большой лесистой горе на востоке. Я замерзла и пошла пешком сзади. <...>

28/X

С. утром ушел вперед. Был серенький день. Я ехала верхом по лесистой извилистой пади. Копна сена — одна на высоких подмостках. Догнала С., который разговаривал с 2 охотниками. Он убил 4 рябчиков. Ехали все с остановками из-за охоты. Падь бесконечно извивалась. Лес, пригорки, большие террасы, словно искусственные. Падь расширилась, лес отошел, здесь уже опять аилы. Закат с розовыми и лиловыми горами. Очень холодно. Отвернули в падь Бельчир и здесь стали у реки под крутым каменным склоном. <...>

29/X

С. рано утром ушел вперед. Потом я верхом. Дорога отвернула на восток в большую, широкую падь Дзун-модо. Здесь аилы, вдали леса. По ней поднимались вверх верст 15. Потом лесистый красивый перевал. Опять большая длинная падь, почти безлесная, только по верхам. В конце ее, далеко, большие синие горы. Туда мы добрались, когда солнце уже село и очень яркая желтая луна, как золотой плод, вставала из-за гор. С перевала Ван-Хуре показался очень большим и таинственным. Белые, крупные храмы вставали из мрака, остроконечные субурганы резали тьму своими шпицами. Медлительные фигуры лам. Подъехали к русской колонии и во дворе Монголтранса остановились. Из бурятской юрты, куда мы зашли погреться, нас быстро пригласили в дом к заву-доктору. В теплой белой кухне чай. В палатке втроем еще долго разговаривали.

30/X

Утром втроем ходили чай пить к недоверчивой Огурчихе (деньги брала вперед). Слегка выпили. Дома с лапшой выпили снова (тоже слегка). Потом С. ушел по делам, а мы с А. Д. в Монценкоп за валенками. Посидели у зава Демидова и полюбовались на фотографию его жены, «совершеннейшей bélle femme [152]». Вернувшись, узнали, что С. ушел играть в шахматы с каким-то габчжи [153]. Посидели, потом пошли осматривать монастырь (см. зап[исную] книжку). На закате он был очень хорош. Посидели в юрте у ламы при храмике на холме. Вечер провели у доктора, не пили, но приятно разговаривали.

31/X

Утром читала журналы. Ели пельмени у доктора. Ходили с С. фот[ографировать] монастырь. Ходили в баню, предварительно посидев у фельдшера, угостившего чудесными цукатами. Баня прошла без удовольствия для меня: холодно и угарно. Вечер провели опять у доктора за оживленными разговорами. Слегка выпили. Выпал снег.

1/XI

День ясный. Бело от снега. Собирались. Потом долго сидели у доктора в ожидании пирога с рыбой. Выехали чуть ли не на закате. Вася подарил мне ганзу, а А. Д. потерял свою. Ехали медленно по пади, белой, чистой. Небо цвело розовыми облаками. Я больше шла пешком. Стемнело. Звезды. Проехав шагом верст 20, стали в узенькой пади, во дворе убульчжона [154]. Напротив березняк с легкой примесью лиственницы и осины. Когда взошла луна, было чудесно. Поели пирога с земляничным вареньем, подаренным любезной докторшей, и рано легли. <...>

2/XI

Утро солнечное. Поднимались вверх по пади на перевал. Я верхом. Спустились в занесенную снегом падь. Подъем, спуск с лесистого красивого перевала. Потом долгая дорога по падям и перевалам. Снегу становилось все меньше, пятна его все реже. Наконец он совсем исчез. Оставив сзади совершенно белую землю, мы ехали вперед к зеленовато-желтой. Большая падь Цзалутэ с огромными табунами, длинный перевал, спуск в Хангал. Здесь уже ночью стали около ледяной лужи. <...>

3/XI

Солнце, довольно тепло. Я верхом. Остановились ненадолго у бычьего каравана для запасов ячменя. Вдали дугунчик. За ним горы, покрытые коричневым лесом и черной гарью. Потом ехали верст 25 все вниз по Хангалу. Ветер, тучи пыли, дорога каменистая, падь скучная. Появились поля. Стога. Неприятно засоренный вид земледельческих местностей. Спустившись с бокового перевала, стали для отдыха у самой речки. Она замерзла. По краям ивы, пышные, округлые, как кусты. Три таких стоят на полуострове, образованном речкой. Наверное, летом тут чудесно. Пошли в палатку Монценкопа. Это 2 юрты, соединенные вместе. Разговор с угнетаемым палаточником. Старый лама, безносый и бородатый, пришел купить валенки и ярко-оранжевую шапочку. Вернувшись к костру, пили чай и ели тетерку. Очень долго ждали Васю с Лупсаном, ушедших за бараном. Я почему-то пришла в невыносимо раздраженное состояние, которое неудачно сдерживала. Все действовало на меня плохо: и вид барана, которого разделывал Лупсан, и холод, и бессмысленная, как мне казалось, затея наших ехать ночью. Выехали только в 11, когда уже взошла луна... Я неосторожно сказала, что по-моему плохо и бессмысленно ехать ночью, и тут началось. С. стал говорить, что я последнее время стала раздражительной, что, видно, экспедиция стала мне не под силу, что мне нельзя больше ездить и т. д. Я была оскорблена до самого сердца. Вышел неприятный разговор. Потом долго шли отдельно и молча вверх по бесконечному перевалу, потом вниз. Странные места под странным молочным светом луны, завешенной тучами. Сухие голые склоны, изгибы широкой белой дороги. На спуске в одном месте несколько деревьев у сухого каменистого русла. Все сухо и холодно. Когда спустились в Бургултай [155], уже совсем рассвело.

4/XI

Восток, закрытый темно-малиновыми облаками, пылал тусклым светом. Стали на дне долины среди высоких игл дерисуна. Ветер. С. разными угрозами заставил меня лечь и заснуть. Я не могла сдержать

слез. Впрочем, выспалась, и все обошлось. Запрягали уже на закате. Над солнцем стояло большое облако, поэтому свет на закате был изумительно желт и ярок. Выехали уже в сумерках. Верст через 5 стали около китайской лавки. Возчики пошли покупать корм, а мы втроем долго сидели в майхане у караванщиков. Их двое, Данза и Дорчжи, пожилые, коренастые монголы, приехавшие из Сайнноина [156] на 8 верблюдах. Везут менять войлок на муку. Майхан черный, маленький. В нем и вокруг тюки с войлоком. Перед входом легли верблюды. Огонь горит в круглом тулугане. В чаше сначала сварили сильно соленый чай, потом положили мясо. Угощали нас цаган-тосо [157]. Оживленно говорили с А. Д., поминая общих знакомых, гобийских людей и места. Уже совсем ночью поставили палатку. Разговаривали о разном.

5/XI

Выехали довольно поздно. Медленно спускались по Бургултаю. Видели дзеренов. С. ходил на них охотиться. Мы ждали его на перевале. Вернувшись, он сказал, что сильно устал, но зато хорошо подумал. Эти слова меня обеспокоили: о чем думал? Спустились в долину Орхона. Она большая, красивая, по реке пышная ивняковая урёма. Заехали в юрту спросить о броде и взять проводника. Поехали вниз вдоль крутого, обрывистого берега. Солнце село. Когда подъехали, стемнело. Зажгли костерчик. Переезжали. Ходок Чухломина засел в реке. Я волновалась. Потом поехали мы благополучно. По реке шла сильная шуга...[158] Стали недалеко от берега на обширном желтом лугу, усеянном кустами ивняка. Было очень холодно, а мне особенно — из-за нездоровья. Выпили, но очень мало, т. к. дали в майхан. Говорили на тему об экспедиционных методах, а также о сравнительных преимуществах палатки и майхана, причем С. и А. Д. говорили то же самое, что и десятки раз назад и, конечно, друг друга не убедили. <...>

6/XI

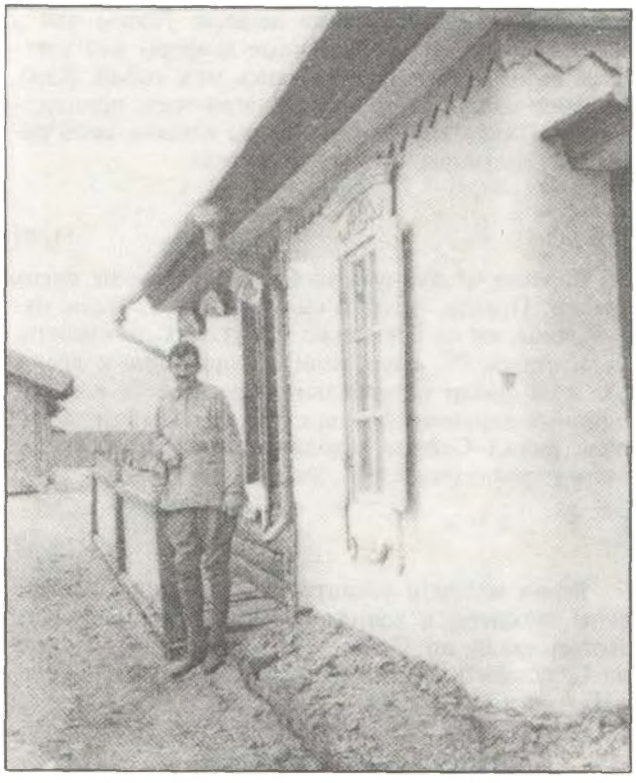
Выехали не рано и проехали всего с версту среди кустов, по лугу, где в замерзших руслах метелки тростника, как кисти золотистого света. Переехали 2 маленьких полузамерзших русла Орхона и решили тут же стать по 2 причинам: долго не будет воды и начальство решило ехать вперед. До заката таскали дрова и перекладывали вещи. Место прелестное... На дворе был мороз выше (так. — *К. Я.*) 30°. Орион блестел над кустами.

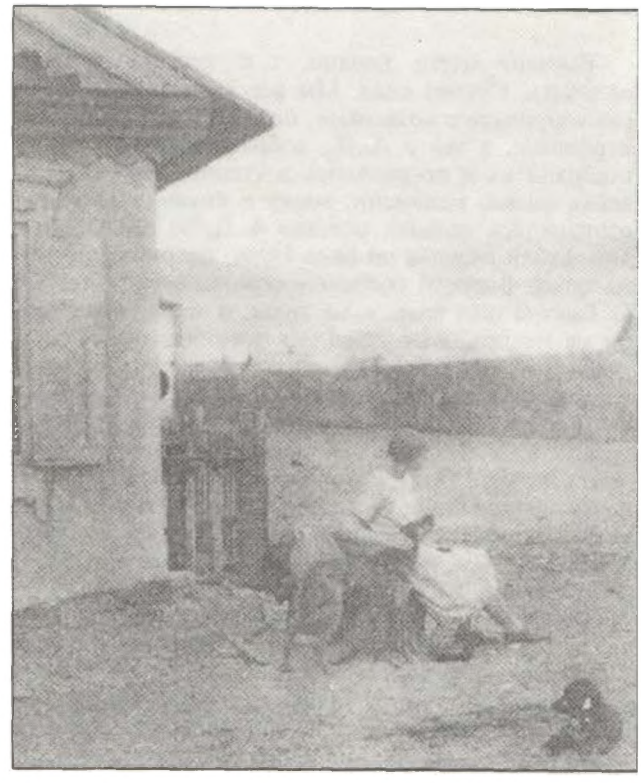
7/XI

Выехали мы на ходке, а А. Д. верхом. Немного проехали вверх по Орхону, потом отвернули к востоку. За нами обе собаки, хоть их держали и отгоняли. Дорога плохо запомнилась: перевалы, неглубокие узкие пади; дерисун, безлюдно, пусто. Единственное небольшое разнообразие внесла речка Шир с ее урёмой, занесенной песками. Уже ночью доехали до китайского пудзана [159] в Чулутэ. О нем нам заранее возвестили лай собак и огни бычьих майханов. Китаец с фонарем отворил ворота. Мы... въехали во двор, обнесенный глиняной стеной. Тут всякие постройки: амбары, мельница, навесы, загородки. Байшин против ворот, в глубине. Мы вошли в большую комнату, $^1/_4$ которой занята каном [160], устланным войлоком. На кане низенький столик возле печки. Остальное пространство занято столиком, лавками, наваленными седлами. По стенам сундуки и низкие шкафы. Висят рисунки тигров и оленя. Пить чай и греться у печки было чрезвычайго приятно. С. играл в китайские шахматы с одним из обитателей; остальные смотрели или лежали на кане, покуривая. Один молодой, очевидно портной, т. к. он все время шил что-нибудь. В соседней комнате помещались хозяева. Она маленькая и больше $^1/_2$ ее занято каном, остальное пространство — столиком, шкафом, седлами. Легли спать раньше китайцев и без ужина.

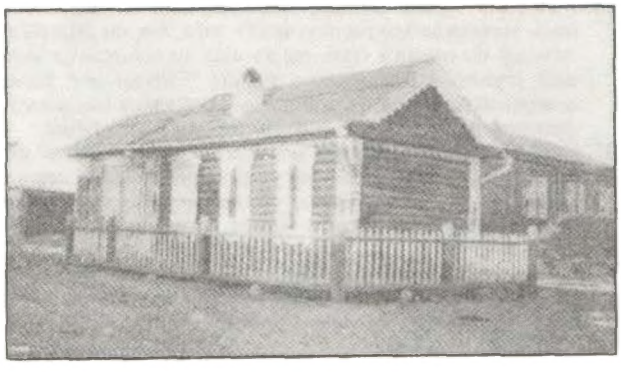
8/XI

Я проснулась очень рано. Было еще темно и холодно в комнате. Китайцы спали. Один за другим они начали просыпаться. Надевали на голое тело меховые штаны и куртки. Затопили. Принесли чай, манту [161] и тарелку черно-зеленой, невыносимо соленой капусты. Мы напились чаю, а потом так сидели, пока Суетин возился с лошадьми, и наблюдали, как китайцы по очереди мылись до пояса теплой водой, а один даже чистил зубы. Ехать было холодновато. Дорога в том же стиле: дабаны, пади без конца. Изредка более широкий вид, но тоже довольно безотрадный. Встретился монастырек Цзохон-дугун. Близ него хибарки тарячинов [162], куда заехали выпить чаю. Тут бедность непроходимая. Утлые глиняные стены. В решетчатых окошках порвалась бумага. В одной каморке кан, котел, вмазанный в глину, мешки с зерном, совершенно закопченное барахло. В другой то же самое, только еще столик и большое корыто, в котором китаец мыл пшеницу. Грязно и холодно. Очевидно, так во всех странах, чистоту могут соблюдать только имеющие на это средства и время. Опять ехали порядочно. Наконец, черная урёма Харабургаса. Солнце село, и я уже замерзла. Заехали в первый же пудзан, но там сказали, что места нет и надо ехать ниже. Комнатка, полутемная, закопченная и почти вся занятая каном, была малопривлекательна, но я осталась бы даже здесь, однако пришлось ехать дальше. Тут начали путаться. Заехали в кусты, переезжали речку, канавы. Ночь темная. Ничего не видно. Наконец, по лаю собак впереди Суетин нашел пудзан. И тут начались радости. Усадьба оказалась большая, старинная и богатая. Чистый, просторный двор, основательные постройки. Большой байшин с несколькими помещениями. Центральное занято хозяином и его ближайшими помощниками. Сюда нас и ввели. Помещение разделено на 3 комнаты тонкими перегородками, верхняя часть которых состоит из бумаги с рисунком, натянутой на рамы. Средняя комната служит сенями. Здесь только большие сундуки по стенам. Дверь направо ведет в комнату старших служащих. После степи и мороза она показалась мне необычайно уютной и нарядной. Комната продолговатая. Вдоль ее вплоть до окна кан, устланный белым войлоком. Постели обитателей аккуратно свернуты, покрыты далембой [163] и прислонены к стене. Низенький столик с чашками и жаровней. У окна





канцелярия: низкая конторка, на которой лежит тушь в деревянном футляре, кисточки на подставке, конторские книги. Тут же шкафчик, счеты. Зав[едующий] канцелярией сидел тут же. Худой, изможденный китаец неопределенного возраста. Явный опиоман, он, очевидно, только что накурился, так же как и другой молодой человек с глазами навыкате. Оба они были в необычайно благодушном состоянии: блаженно смеялись, доброжелательно разговаривали, «учились русскому языку». Еще несколько человек толпились тут же, приходили, уходили; все больше молодые, в пышных меховых штанах и кофтах; они курили тонкие длинные металлические трубочки. Двое шили на кане подбитую войлоком дверную занавеску, окончив которую тут же прикрепили. Я наслаждалась: пила чай, курила, гладила кошку, грелась. Ярко горели керосиновые лампы, трещали дрова в печке; со стены улыбалась китайская красавица, сходящая с террасы при луне. На 3 языках разговаривали вокруг доброжелательные люди. Захотелось спать. Нам подали лапшу, а к ней соленую капусту (или тыкву?) и перец, похожий с виду на толченую черемшу. С. съел 4 чашки лапши и выпил неимоверное количество чая. После ужина нас пригласили к хозяину, который был немного нездоров. В его комнату ведет из сеней дверь налево. Комната набольшая. Кан у передней стены под окном. Остальное место занято сундуком, длинным столом и шкафом. Хозяин очень приятный, высокий пожилой человек. Совершенно европейское лицо, несколько усталое, с небольшими усами. Очень любезен. Порядочно посидели у него, потом мы с С. легли в сенях. Темная эта комната освещалась светом из обеих соседних через бумагу перегородок. Было приятно, как в детстве.



9/XI

Встали с рассветом. Опять пили чай с манту и у хозяина, и у служащих. Ходили на двор смотреть мельницу и кухню, где также помещается часть рабочих. Здесь грязно и закопчено: земляной пол, громадная печь, черные стены, грязный кан. Бак с водой. Довольно холодно. Приятно было опять пойти в хозяйские комнаты, болтать с прокуренным бичечем [164], лежать, ничего не делая, на кане. Уезжать не хотелось. Однако пришлось. Долго ехали вверх по пади. Остановились у бычьих майханов, шли пешком на дабан. Под вторым дабаном Зорька окончательно сдал, и А. Д. расседлал его и повел в поводу; отстал от нас здорово. Мы поехали вниз по долине, потом резко повернули на север в Бара-Нур. Здесь прямо Моск[овская] область: поля, китайские усадьбы, стога хлеба и сена, канавы. В сумерках добрались до госпосева. Небольшой скандал с завом, к счастью, закончившийся миром. Потом отогревались в русских комнатах. <...>

Наконец пришел А. Д., уставший, но совершенно не застывший, — тащил Зорьку. Хозяин долго и, кажется, интересно рассказывал о своих юношеских приключениях в Китае, но я плохо слушала, т. к. очень хотелось спать. Поужинав, С. и хозяин начали играть в шахматы, а я улеглась и наслаждалась ганзой и английским рассказом.

10/XI

Выехали очень поздно, т. к. полдня провели слоняясь. Суетин спал. Мы все сначала длительно разговаривали с хозяевами, потом С. ушел стрелять куропаток, а мы с А. Д., добравшись до книжек, отобрали их и погрузились в чтение. Наконец хозяйка подала пельмени, водку и кисель. Поев, мы отправились дальше, оставив А. Д. до следующего дня. Ехали сначала по Бара-Нуру, потом отвернули на тракт. Впереди сосновые вершины Судзуктэ [165]. С. быстро шел вперед, не знаю, о чем думал. Чтобы не мешать, я не старалась догонять его. Я тоже глядела на эти вершины, на перевал, где мы с ним в прошлом году проезжали, и что-то сладко щемило мне сердце. Ведь для него так много связано с Судзуктэ, и я за все эти годы срослась с этими местами, хотя была в них всего одни сутки. Тракт являл необычайное оживление. Взад и вперед [двигались] длинные бычьи ачаны [166] с тюками, ящиками, зеленым пышным сеном. Машина еле ползла на дабан, то и дело останавливаясь, другая ее обогнала. <...> Когда мы с С. достигли вершины, то обрадовались неожиданно затихшему воздуху. Снежные горы вокруг мягко светились персиковым светом, а долины кутались в бирюзовые тени; спустились, потом опять поднялись на длинный дабан... До Хух-обо добрались только ночью. Я грелась у печки в комнате бурят-хозяев и чувствовала необычайный прилив веселья. Потом чай в большой комнате, где молодые шоферы уже улеглись на нарах и пересмеивались меж собой. Хлеб, жареное мясо с картошками, цаган-тосо, приложения к «Ниве» за 1916 г. — одним словом, цепь радостей. Улегшись, сейчас же заснула.

11/XI

Переход от Хух-обо до Санзайки был не очень труден. Правда, ветер и сильный мороз были мучительны, но на несколько минут заехали погреться в станок [167]. Еще засветло приехали к греку. (Халцзан-дабан изумительно красив, весь в снегу; длинные караваны быков с тюками шерсти; лесистые пади.) Солнце заходило за лесом. Большое окно у грека; тепло, чай, ужин; книги.

12/XI

Утром медлили уезжать. Было солнце, голубые тени на снегу, я ходила без шапки по сугробам. Потом ехали по Сельбе [168], я тщетно уговаривала С. оставить Берту (потом все же и она и Гу-лё остались и долго жили у нас во дворе).

Домик поразил своей белизной, чистотой и уютом... Ходили в баню, переоделись, раскладывали вещи. Я читала свои 16 писем. <...>

Примечания

1. Тола — название реки в Монголии, берущей начало в г. Хентэй, правый приток р. Орхон.
2. С. — Сергей Александрович Кондратьев, муж М. И. Клягиной-Кондратьевой, руководитель экспедиции.
3. Дзерен (монг. *зээрэн*) — антилопа, дзерен, серна.
4. Орхон — река в Монголии, берущая начало на юге Ара-Хангайского аймака, один из больших притоков р. Селенги.
5. Усучин (монг. *усчин*) — паромщик.
6. Аил (монг. *айл*) — группа юрт, где проживают обычно родственники, хозяйство.
7. Тамир — река, впадающая в р. Орхон.
8. Урема (оренбургское, казанское диалект.) — поемный лес и кустарник по берегу реки, поросшая леском низменность по руслу реки.
9. Ганза (монг. *гаанс*) — курительная трубка.
10. А. Д. — Андрей Димитриевич Симуков (1902—1942). Вместе с С. К. Кондратьевым был участником экспедиции П. К. Козлова, вместе остались по приглашению Ученого комитета МНР работать в его составе (подробно об А. Д. Симукове — в публикации его дочери Н. А. Симуковой [1. С. 122—150]).
11. Цзаин (монг. *Заяын хүрээ*) — Дзаинский монастырь.
12. Курень (монг. *хүрээ(н)*) — крупный монастырь, стан, круг.
13. Чухломин (далее также: Ч.) — Чухломин Порфирий Фролыч, крестьянин из забайкальской деревни Атэгэй на р. Чикое, работал в Улан-Баторе при Ученом комитете, заведовал хозяйственной частью в ряде экспедиций С. А. Кондратьева.
14. Вася (Васька). — Лицо не установлено.
15. Бурхан — скульптурное или иконографическое изображение будды.
16. Байшин — дом.
17. Арака (монг. *архи(н)*) — водка, вино.
18. Олбок (монг. *олбог*) — подстилка для сидения.
19. Чжабдан (монг. *жавдан(г)*) — узкий длинный топчан для сидения.
20. Цокчин (монг. *цогчин*) — соборный храм.
21. Хурдэ (монг. *хүрд*) — зд.: молитвенный цилиндрический барабан.
22. Fête galante — зд.: праздник изящества.
23. Лупсан — Лубсан (Ульдзий Лубсан-хуурчи), помощник в экспедиционных делах; известный знаток народных монгольских песен и улигеров (сказаний), которые он исполнял под собственный аккомпанемент на хуучире; принимал участие в работе экспедиции по приглашению С. А. Кондратьева.
24. Хочир (монг. *хуучир*) — музыкальный струнный инструмент.
25. Эрдэни-Цзу (монг. *Эрдэнэ Зуу*) — первый буддийский монастырь в Халхе, построен в 1586 г., расположен на месте древнего Каракорума, бывшей столицы Монгольской империи.
26. Дабан (монг. *даваа(н)*) — перевал.
27. Дугун (монг. *дуган*) — монастырский храм; большой зал для молитвенных собраний.
28. Субурган (монг. *суврага*) — ступа, ритуальное сооружение, надгробная пирамида.
29. Хенгрик (монг. *хэнгэрэг*) — барабан.
30. Ганчжир (монг. *ганжир*) — отличительный знак, золоченое в виде какого-нибудь буддийского символа украшение, помещаемое посредине конька крыши буддийского храма.
31. Яманская — от (монг. *яам(ан)*) — управление, учреждение.
32. Хан (монг. *хана(н)*) — решетчатая стенка юрты.
33. Бичик (монг. *бичиг*) — официальная бумага, документ.
34. Габчжи (монг. *габджу*; тиб. bhah-bcu) — ученая степень, присуждаемая монаху после того, как он выдержит экзамен по цанид'у (тиб. mc'an-nid), являющемуся высшей ступенью буддийского учения. Габчжи мог также совершенствоваться по отдельным проблемам буддийской философии, медицины, астрологии или мистицизма.
35. Баньди — послушник, мальчик, обучающийся в монастыре и воспитывающийся у ламы, получивший первую монашескую ступень, пройдя обряд пострижения в звание баньди. Подробно об этом обряде писал А. М. Позднеев [6. С. 121—135].
36. Сан-Очирдаг дацан — храм «Хранилище очира — символа могущества» (монг. *санг* 'хранилище', *очир* 'символ могущества', *дацан* 'храм').

37. Кумбум (Гумбум) — Гумбум Чжамбалинг (тиб.: 'Любитель со ста тысячами изображений') — монастырь школы Гелуг-па в Амбо (сев.-вост. Тибет), основан в 1533 г. Являлся духовным центром и местом торгового обмена между различными регионами Монголии, Тибета, Китая.
38. Хойто Тамир (монг. *Хойт тамир*) — р. Северный Тамир.
39. Хангай — горная система в центральной части Монголии, южная часть которой доходит до Южно-Гобийского района. Обильна водой, плодородна.
40. Субурга-Хайрхан — одна из вершин Хангая, досл.: монг. уст. 'Священная ступа'.
41. Урту Тамир (монг. *Урд тамир*) — р. Южный Тамир.
42. Обо (монг. *овоо(н)*) — насыпь-пирамида из камней, веток и пр., воздвигнутая на возвышенности в честь ее духов; куча, груда (камней).
43. Цэцэрлэг — районный центр Монголии на берегу р. Орхон, недалеко от ее истоков.
44. Хан Ундур (монг. *Хан Эндор*) — досл.: 'высокий хан'.
45. Чулутэ (монг. *Чулуут гол*) — река Чулут.
46. ...*Женщины в «рогах»*. — Речь идет о прическе замужней монголки. Волосы убирались в специальные накладки и поднимались дугой высоко над ушами, а концы волос продевались в круглые чехлы и свободно свисали. По форме такая прическа становилась похожей на изогнутые рога.
47. Тарбагатай — горный хребет в центральной части Монголии.
48. Гичигэн — возможно, от монг. *гичгэнэ* — бот.: лапчатка гусиная.
49. Саланы (монг. *салаа(н)*) — зд.: рукава реки.
50. Тэрхэ (монг. *Тэрх*) — река, имеющая несколько рукавов.
51. Цаган-нур (монг. *Тэрхийн цагаан нуур*) — озеро Цагаан-нур при р. Тэрх.
52. Улан Дабан (монг. *Улаан Даваа*) — Красный горный перевал (перевал в центральной части Хангайских гор).
53. Хабтагай (монг. *Хавтатай* 'Плоский') — горная вершина в Хангайских горах.
54. Керексур — могила с каменной оградой и грудой камней на вершине. Полагают, что подобные могилы принадлежат к тюркскому периоду Монголии (VII и VIII вв. н. э.).
55. Банчжен-гарбо — тибетское название растения.
56. Дугунчик (монг.: *дуган*) — храм, церковь.
57. Сарлык (монг. *сарлаг*) — зоол.: як.
58. Хара Усу (монг. *Хар Ус* 'Черная вода') — река. В Монголии имеется несколько рек с подобным названием.
59. Хашан (монг. *хашаа(н)*) — зд.: двор.
60. Стормонг — название торговой организации в Монголии. Другие названия ее: после 1926 г. — Центросоюз, с февраля 1924 г. — Сибкрайсоюз, между 1924 и 1926 гг. — Сибгосторг.
61. Убугун Хуре (монг. *Овгон хурээ(н)*) — монастырь страца.
62. Шара Усу (монг. *Шар Ус* 'Желтая вода') — горная река в Хангайских горах.
63. Цзаг — поселок в Хангайских горах.
64. Дерисун (монг. *дэрс(эн)*) — трава чий блестящий.
65. Ф. Ф. — Лицо не установлено.
66. Монценкоп — сеть торговых организаций в Монголии. О деятельности торговых организаций в Монголии см.: *А. В. Бурдуков*. Сибирь и Монголия // Сибирские огни. 1928. № 2.
67. Коноплянки. — Свое двадцатилетие М. И. Клягина-Кондратьева, возможно, отмечала в имении своих родителей (она была родом из орловских помещиков Клягиных Болховского уезда).
68. Алеша — шофер экспедиции.
69. Bien loin de la ville mandite/Fuir par routes interdites. — Очень далеко бежать от проклятого города / Бежать запретными дорогами.
70. Désirs — желания.
71. Майхан — монгольская летняя палатка.
72. Харахун (монг. *хар хүн*) — простолюдин.
73. Талаган (монг. *тулга(н)*) — таган, подпорка.
74. Бислык (монг. *бяслаг*) — домашний сыр.
75. Аргали (монг. *аргаль*) — самка архара горного барана.
76. Шабаганца (монг. *шибаганца* (*sibaγanča*)) — монахиня.
77. Буянту (монг. *Буянт*, досл.: 'добродетельный', 'благодетельный') — река в Хангайских горах.
78. Отхон-Тэнгри (монг. *Отгон-Тэнгри*) — самая высокая вершина в горной системе Хангая.
79. Карагана (монг. *харгана*) — бот.: карагана мелколистая.
80. Доду Хурэ (монг. *Доод Хурээ*) — Нижний монастырь.
81. Аргал — лепешки высохшего коровяка, кизяк.
82. Цокчин (тиб. *дзогчен*) — 'сборный храм великого собрания', в нем происходят общие собрания монахов всего монастыря.
83. Эмчинер-дацан — монастырский факультет тибетской медицины.
84. Хурал — зд.: служба; собрание, заседание.
85. Улясутай (монг. *Улиастай*) — районный центр Дзабханского аймака в Западной Монголии.
86. Многосаланную — имеющую много рукавов.
87. Антон Антонович. — Лицо не установлено.
88. Галя. — Лицо не установлено.
89. Ек. П. (далее также: Е. П.) — возможно, Екатерина Петровна Горбунова, член экспедиции, натуралист, ботаник.
90. Дзагастай (монг. *Загастай*) — река к северу от Улясутая.
91. Аршан (монг. *аршаан*) — целебный минеральный источник; святая, живая вода.
92. Ф. Б. — Лицо не установлено.
93. Люндун. — Лицо не установлено.
94. Арц — можжевельник.
95. Адучин (монг. *адууч(ин)*) — табунщик.
96. Убульджоны (монг. *өвөлжөө(н)*) — зимовье, зимняя стоянка; зд.: «пятна», что остались от юрт, стоявших на зимовье.
97. Сквау (англ. *squaw*) — индианка (Сев. Америки).
98. «...Полнеба охватила». — Образ навеян тютчевскими строками: «*Полнеба обхватила тень / лишь там, на западе, бродит сиянье, — / Помедли, помедли, вечерний день, / Продлись, продлись, очарованье*» [8. С. 139].
99. Гуджир (монг. *хужир*) — солончак, зд.: соль.
100. Тельмин-нор (монг. *Тэлмэн нуур*) — озеро Тэлмин-Нур.
101. А. Д. — Андрей Дмитриевич Симуков, географ, исследователь Монголии, участник экспедиции П. К. Козлова, сотрудник Ученого комитета Монголии.
102. Сойок (от сиб. *сойка*) — спица.
103. Уртонский — работающий на уртонской станции; уртон (монг. *ортоо(н)*) — станция, где меняют лошадей. Расстояние между уртонами составляло 30—40 км.
104. Хара-модо (монг. *хар мод*) — лиственница; букв.: 'черное дерево'.
105. «Мани» (санскр. *mani*) — молитва; зд.: имеется в виду изображение из шести тибетских букв или знаков: *ум-ма-ни-пад-мэ-хум*, составляющих магическую формулу, обращенную к бодхисаттве Авалокитешваре.
106. Дурекчиван (монг. *Дүүрэгч вангийн хүрээ-Дашлин*) — монастырь, имевший, по своему расположению у реки Тэс, еще одно название — *Тэсийн хүрээ*.
107. Далемба — плотная хлопчатобумажная ткань.
108. Ганчжир (монг. *ганжир*) — украшение в виде колокольчика; укрепляется на крыше буддийского храма.
109. Чжанцан (тиб. *жалцан*, санскр. *dhvadja*, монг. *ilaγugsan chimeg* ('знак победителя')) — ритуальное украшение цилиндрической формы; ставится обычно на кровле на всех четырех углах храма или на двух — северо-восточном и юго-западном.
110. Цаган-Дара — Белая Тара; зд., вероятно, имеется в виду портрет супруги последнего Богдо-гэгэна.
111. Урум (монг. *өрөм*) — пенка.
112. Кабан — специальным образом уложенные ветки для костра.
113. «Хундэ» (монг. *хөндий*) — долина.
114. Тенигус — возвышенность.
115. Тес — река на западе Монголии.
116. Гандан хурэ — монастырь Гандан.

117. Гесегуй (монг. *гэсгүй*, тиб. *dge bskos*) — монах, отвечающий за религиозные церемонии, службы в храме, а также за организацию монашеской жизни.
118. «Чжаса» (монг. *жас*) — букв.: 'хозяйство монастыря'; зд.: в хозяйственном управлении.
119. Зурачин (монг. *зураач*) — художник, живописец.
120. Улигер (монг. *үлгэр*) — сказание, былина.
121. Мориней ши у (монг. *морины шээхүү*) — конь что ли помочится?
122. Оз. Комо (Como) — высокогорное озеро на севере Италии у подножья Альп.
123. Ойгон нур — небольшое озеро на западе Монголии.
124. Болнай — горная цепь на западе Монголии.
125. Цоргон — горный хребет на западе Монголии.
126. Дарга (монг.) — председатель, начальник, командир.
127. Балин — ритуальная фигурка из теста.
128. Хонхо (монг. *хонх(он)*) — колоколец.
129. Дамару (монг. *дамар*) — ритуальный барабанчик.
130. Хенгерик (монг. *хэнгэрэг*) — барабан.
131. Арика (монг. *архи*) — молочная водка.
132. Цаган Барга — местность в Западной Монголии.
133. Чойрин дацан (от тиб. *чойра*) — учебный двор для диспутов, зд.: храм для диспутов.
134. Цанидские шапочки (от тиб. *цаннид*) — богословский факультет, зд. имеются в виду монахи, обучавшиеся на богословском факультете.
135. Сивер (вост.-сиб.) — северные склоны гор (в отличие от южных, которые зовут увалами).
136. Хадак (монг. *хадаг*) — церемониальный шелковый шарф; бывает разной длины и разного цвета: синеголубой, белый, зеленый, желтый, красный.
137. Бишхур (монг. *бишгүүр*) — дудка.
138. Жертвы (монг. *тахил*) — изображения почитаемых священных предметов.
139. Чжалханцы-хуре (монг. *Жалханзын хүрээ*) — монастырь Джалхандзын.
140. Баян гол — полноводная река в центральной части Монголии.
141. Тельгер-Мурин (монг. *Дэлгэр морон*) — река Делгер-Мурэн.
142. «Из красного дерева...» — первая фраза романса С. А. Кондратьева.
143. Мурин (монг. *Мөрөн*) — зд.: монастырь *Мөрөнгийн хүрээ*.
144. Бакши (монг. *багш*) — учитель, наставник.
145. Цзагзы (монг. *Загзуугийн ам*) — падь Дзагдзуу. Там же находится одноименный монастырь *Загзуугийн*.
146. Гуджиристое — солончаковое.
147. Эгийн гол — река в центральной части Монголии.
148. Хатхэлын (монг. *Хатгалын дугун*) — монастырь.
149. Уртон — см. примеч. 104.
150. Айхан нур — озеро в центральной части Монголии.
151. Орлут дугун — храм Орлут.
152. Bélle femme — красивая женщина.
153. Габчжи — ламская ученая степень, соответствует кандидатскому званию.
154. Убульчжон (от монг. *оволжих*) — зимовать, зимовка.
155. Булгултай — небольшой населенный пункт в центральной части Монголии.
156. Сайн ноен (Сайнойоновский аймак) — административный центр Монголии.
157. Цаган-тосо (монг. *цагаан тос(он)*) — букв.: 'белое масло (сливочное)'.
158. Шуга (арх. сиб.) — мелкий рыхлый лед, который появляется перед ледоставом и во время ледохода.
159. Пудзан — (кит. *пу-цзан*) — лавка, магазин с помещением для путников.
160. Кан — китайская печь, представляющая собой теплую трубу, проходящую под кроватью, столом.
161. Манту (монг. *мантуу*) — лепешка, испеченная на пару.
162. Тарячин (монг. *тариачин*) — земледелец, сеятель, крестьянин.
163. Далемба — китайская хлопчатобумажная ткань.
164. Бичеч (монг. *бичээч*) — писарь, делопроизводитель, писец.
165. «...Так много связано с Судзуктэ...» — С. А. Кондратьев руководил в этой местности археологическими раскопками, которые ознаменовались великолепными находками в курганах в горах Ноин-ула: гуннские погребения I в. н. э.
166. Ачаны (монг. *ачаа(н)*) — воз.
167. Станок — небольшое поселение, стоянка.
168. Сельба — река, протекающая по центральной части Монголии.

Литература

1. Бюллетень Общества монголоведов РАН. М., 1993.
2. *Кондратьев С. А.* Тельмин-нор и западная окраина Хангайского нагорья (По материалам Хангайской экспедиции Ученого комитета МНР) // Хозяйство Монголии. № 5 (18). Улан-Батор, 1929.
3. *Кондратьев С. А.* Музыка монгольского эпоса и песен. М., 1970.
4. *Кондратьев С. А.* Весна в Кентэе. М., 1996.
5. Монгол ард улсын угсаатны судлал, хэлний шинжлэлийн атлас. Тэргүүн. дэд боть (Этнолингвистический атлас МНР. Т. I, 2) / Ред. Б. Ринчен. Улаанбаатар, 1979.
6. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887.
7. Российское монголоведение. Бюллетень. IV. М., 1996.
8. *Тютчев Ф. И.* Лирика. М., 1963.